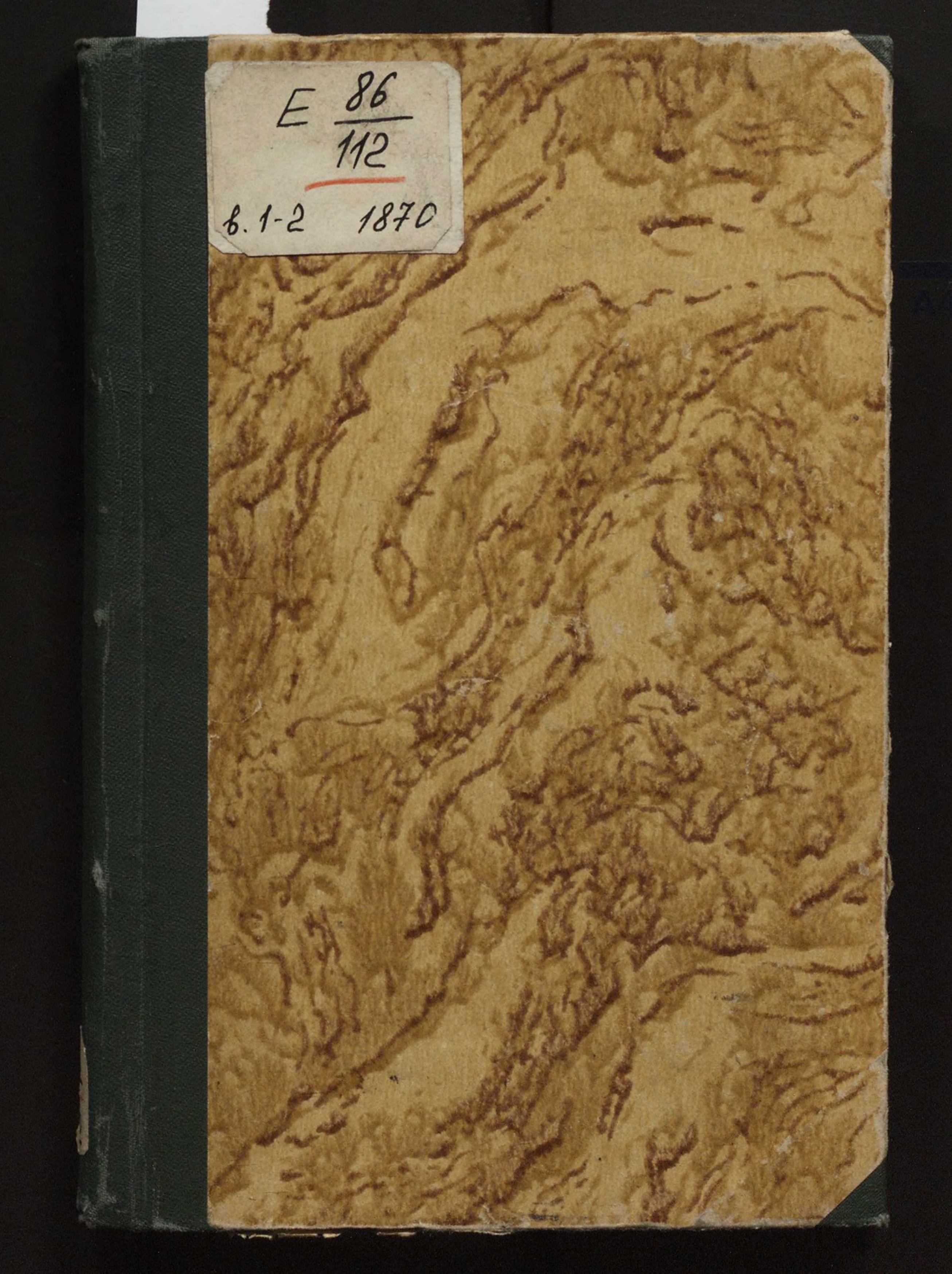
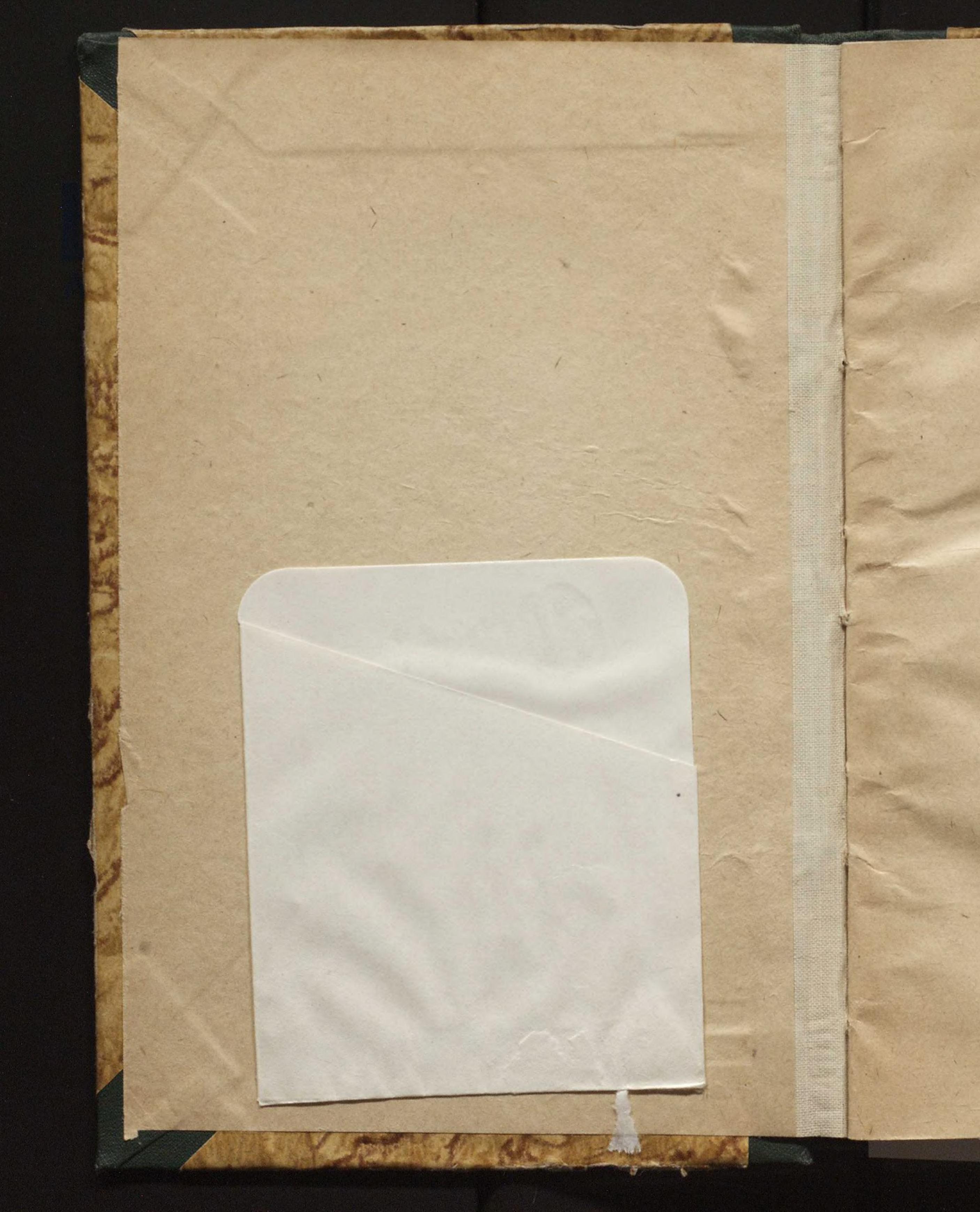

E 86/112
8. 1-2 1870

РОЖДЕСТВЕНСКIЕ

РАЗСКАЗЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ,

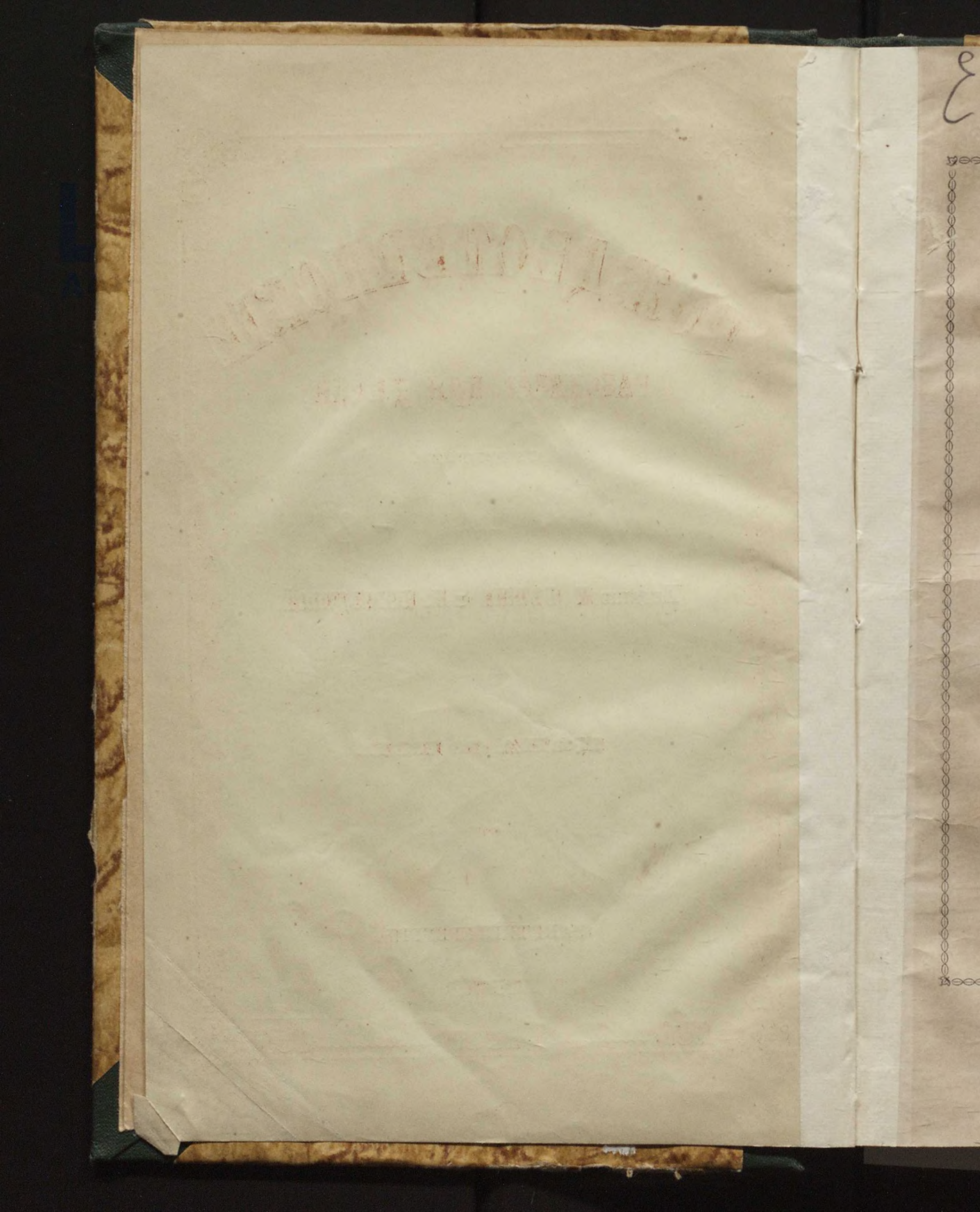
СЪ РИСУНКАМИ.

Изданiе **И. БѢЛОВА** и **Е. БОРОЗДИНОЙ.**

ЦѢНА 60 КОП.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1870

РОЖДЕСТВЕНСКІЕ

РАЗСКАЗЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ,

СЪ РИСУНКАМИ.

[Вып. 1] - 2

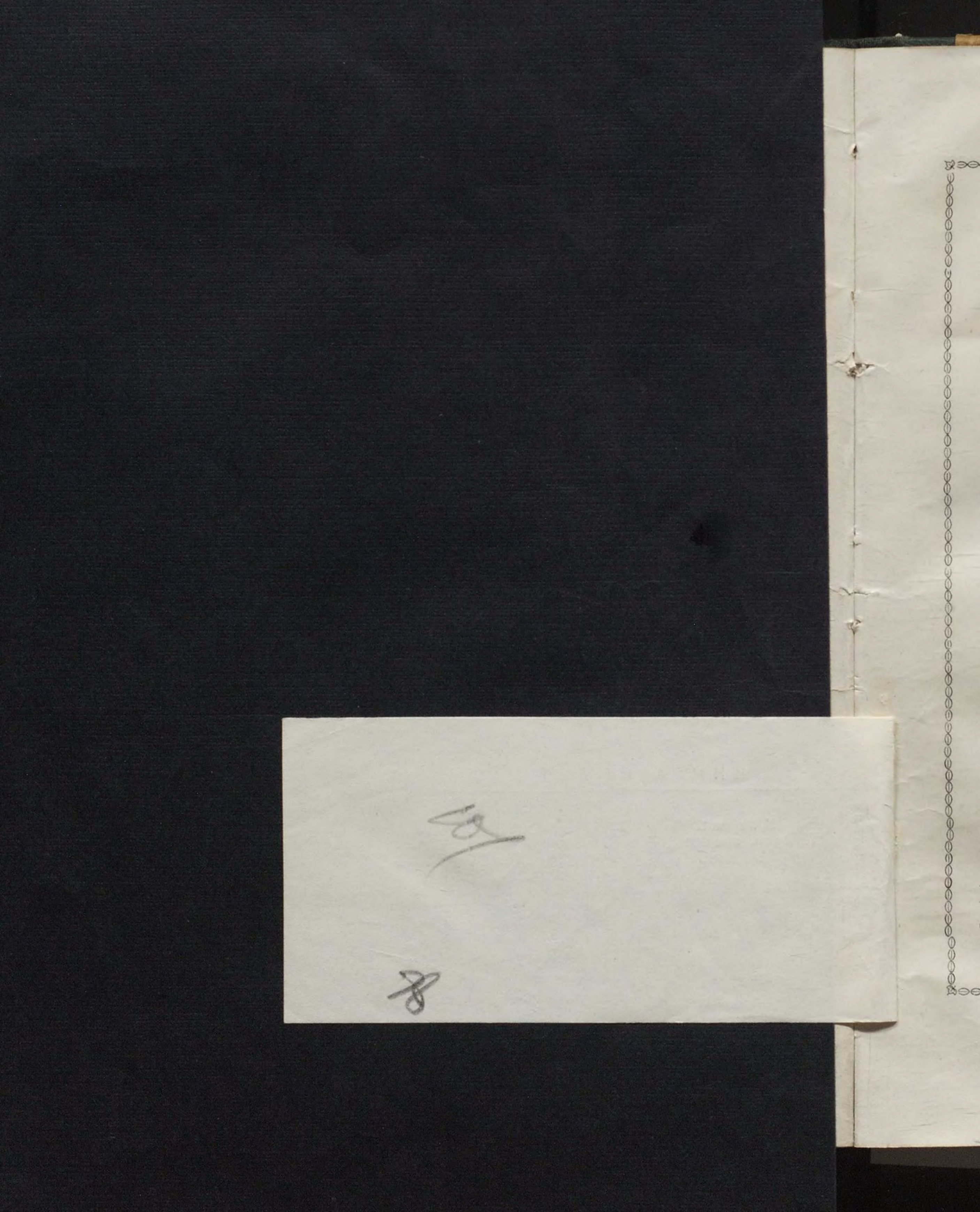
Изданіе **И. БѢЛОВА** и **Е. БОРОЗДИНОЙ.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ
(Литейн. просп., № 39).
1870.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 декабря 1870 года.

Капля крови.

Разсказъ швеи.

Тукъ, тукъ, тукъ стучитъ швейная машинка. Какъ хорошо думается подъ этотъ стукъ: руки заняты, а голова о чемъ только не передумаетъ.

Я цѣлые дни провожу за швейной машиной

и въ думахъ своихъ чаще всего останавливаюсь на прошедшемъ, потому что въ настоящемъ моемъ мало занимательнаго: одинъ день проходитъ какъ другой — сытъ, здоровъ и слава Богу. Конечно есть и другія думы, кромѣ думъ о самой себѣ, но о чемъ могу думать я, ничему не учившаяся, никого не видавшая, кромѣ своихъ давальцевъ.

Въ будущемъ моемъ также мало веселаго. Если иногда и забредутъ мнѣ въ голову разныя веселыя, свѣтлыя думы, то и это не на радость! Представлю я себѣ, что живу съ дорогими моему сердцу отцемъ и матерью; кругомъ всѣ веселы и довольны; денегъ у насъ вдоволь; нанимаю я коляску, какую видѣла у знакомыхъ господъ, и отправляюсь странствовать по разнымъ землямъ и городамъ. Чего только не представится, да очнуться то послѣ этого не весело, такъ и защемитъ сердце. Гдѣ уже намъ, сиротамъ безроднымъ, гадать о счастіи.

Поневолѣ мысли потянутся къ прошедшему, тѣмъ болѣе, что тяжелыя нужды уже миновали и быть можетъ никогда ихъ больше не испытаю. Вспомню ли закоптѣлую, грязную комнату съ кривымъ потолкомъ и поломъ, гдѣ работала я съ утра до вечера, не разгибая спины, и весело

сдѣлается, когда я взгляну на мою настоящую свѣтлую и чистую комнату, съ бѣлыми занавѣсками и швейной машиной, гдѣ я работаю не спѣша, такъ какъ навѣрно знаю, что машина не выдастъ меня: работаетъ она скоро, и буду я сама всегда обута и одѣта и, мало того, скоплю деньжонокъ на черный день.

Моя маленькая, добрая Нина, моя благодѣтельница! Дай тебѣ Богъ долгой, долгой жизни.

Ты осчастливила меня швейной машинкой.

Швейному мастерству я нигдѣ не училась. Нужда выучила меня шить, какъ учитъ она тачать сапоги, стирать бѣлье насъ, бѣдныхъ людей, не желающихъ просить милостыню.

Мать въ дѣтствѣ учила меня шить, но вся ея наука состояла въ томъ, что бывало, если я своей длинной иголкой нашью вкривь и вкось, то она дастъ мнѣ колотушку въ голову, и закричитъ:

— Пори сейчасъ и шей съизнова!

Но посмотрѣть хорошо ли я нашила въ другой разъ или показать мнѣ какъ надобно шить, объ этомъ она и не думала.

Но я не виню бѣдную мать: много приходилось ей работать, много приходилось ей страдать.

Она заправляла хозяйствомъ, ходила за моимъ маленькимъ братомъ, стирала по найму бѣлье. Отецъ нашъ, отставной солдатъ, былъ старъ и хилъ. Заработывалъ онъ очень мало.

Первой моей работой, какъ теперь помню, была кумачная рубашка маленькому брату, подаренная въ день имянинъ его крестнымъ отцомъ, саячникомъ.

Сколько было радости, когда работа пришла къ концу. Колька, какъ обыкновенно всѣ мы звали братишку, чуть съ ногъ меня не сбилъ отъ радости, когда я примѣряла ему обновку. Надѣла я рубашку, застегнула пуговку у ворота даже вытерла вѣчно нечистый носъ Кольки, чего прежде никогда не дѣлала, и отошла на нѣсколько шаговъ, чтобы полюбоваться своимъ произведеніемъ; но послѣ перваго же осмотра ужаснулась: рукъ у Кольки не оказалось! Диво какое—куда дѣвались у него руки?

— Куда спряталъ руки, Колька? Чего балуешь! Вытащи ихъ сейчасъ.

Но сколько мальчикъ ни шевелилъ руками, желая похлопать въ ладоши отъ радости, не удалось ему вытащить ихъ на бѣлый свѣтъ. Ощупала я руки и тогда только догадалась, что рукава сшиты вдвое длиннѣе рукъ, въ чемъ

конечно не былъ виноватъ Колька. Братишка ревѣлъ, а я зажимала ему ротъ, сама не зная, какъ помочь горю.

На крикъ явилась мать, по обычаю стукнула меня по головѣ, выбранивъ за то, что я не догадалась заложить рубчикъ по шире, такъ какъ рукава его скроены были на ростъ.

— Неужели, мама, у Кольки выростутъ когда нибудь такія длинныя руки, спрашивала я, съ удивленіемъ глядя на рукава, висѣвшіе чуть не до пола.

— Молчи, дура. Какъ не вырости рукамъ: вы всѣ ростете какъ грибы. А ты, Колька, обратилась она къ брату, носи, что есть. Некогда мнѣ съ тобой возиться.

Такъ Колька и износилъ рубашку съ загнутыми рукавами.

Но время шло и мать рѣже и рѣже била меня за работу; напротивъ того, когда случалось мнѣ заработать грошъ, другой, за шитье какой нибудь обновки сосѣдкамъ, она хвалила меня и гладила по той же самой головѣ, по которой прежде колотила такъ больно.

Когда минуло мнѣ 15 лѣтъ, то умеръ старикъ отецъ, за нимъ въ скоромъ времени потянулась въ могилу и бѣдная мать; братъ умеръ

еще въ дѣтствѣ. Осталась я на бѣломъ свѣтѣ безпомощная и одинокая. Горько мнѣ стало. Конечно жить хуже, грязнѣе того, какъ я жила при родителяхъ, было невозможно; но все таки отецъ и мать заботились о томъ, чтобы я была сыта, одѣта, такъ что при нихъ мнѣ и въ голову не приходило, что я могу умереть съ голоду, а теперь обо всемъ пекись сама. Пришлось заработывать себѣ на хлѣбъ, на квартиру: не заплати я во время за все, меня безъ сожалѣнія вытолкали бы за дверь, какъ собаченку.

Усердно бѣгала я по домамъ, вымаливая себѣ работу. Если Богъ посылалъ работу, то я сейчасъ же бралась за иголку и даже по ночамъ думала, какъ бы покрасивѣе сшить нарядъ той или другой барынѣ. Труды мои къ счастію кормили меня и я считалась первой швеей въ городѣ: меня любили за то, что я не плутовала. Однако работа не болѣе, какъ только съ грѣхомъ пополамъ, кормила меня. Съ голоду я не умирала, но жила все въ той же грязной комнатѣ, ѣла самую скудную пищу и нерѣдко по цѣлымъ днямъ сидѣла безъ чаю и кофею. Больше всего у меня выходили деньги на одежду. Иногда гораздо охотнѣе купила бы сахару и чаю,

вмѣсто матеріи на платье, да нельзя: какъ идти въ полинялом дрянномъ платьѣ въ барскій домъ. Иная барыня не пустила бы тебя и въ переднюю. Гдѣ господамъ знать, что такое тяжкая бѣдность!

Но, отъ чего, спросятъ меня читатели, работы много, а денегъ мало?

Отъ того, что за работу платили у насъ дешево. Сидишь 4, 5 дней надъ платьемъ съ оборочками и фалборочками, а получишь всего полтора рубля. Городъ нашъ былъ маленькій, ни желѣзныхъ дорогъ, ни пароходовъ мы не знали; понятно, что рѣдко появлялись у насъ пріѣзжіе люди, которые могли бы нуждаться въ моей работѣ. Наши барыни хорошо понимали это, слѣдовательно, онѣ дѣлали, что хотѣли со швеями: сговорятся не давать болѣе полутора рубля за фасонъ, ну и дѣлу конецъ.

Однажды, когда я сидѣла надъ платьемъ городничихи и думала, скоро ли я выхожу за него деньги,—такъ какъ городничиха была плательщица не акуратная,—въ кухнѣ, занимаемой хозяйкой, послышался пріятный звонъ стакановъ. Хозяйка сбиралась пить чай. Мнѣ уже давно смерть какъ хотѣлось промочить горло горячимъ чайкомъ. Вслѣдъ за звономъ стакановъ, вошла

ко мнѣ съ чайникомъ хозяйка Терентьевна, вѣчно не мытая, не чесаная, но добрая женщина. Чайникъ походилъ на хозяйку какъ родный сынъ на мать: хозяйка была курноса, не менѣе курносымъ казался и чайникъ съ отбитымъ носкомъ. Чистился и вымывался онъ точно также, какъ и хозяйка, только по праздникамъ. Однимъ словомъ, чайникъ и хозяйка до такой степени сроднились въ моей головѣ, что я не могла видѣть хозяйку, не вспомнивъ о чайникѣ, и не садилась за чай, не вспомнивъ о курносой хозяйкѣ.

— Ты чему смѣешься? не бось чайку обрадовалась, говорила она ставя чайникъ на столъ. Послушай лучше, что я тебѣ скажу, можетъ быть и спасибо скажешь мнѣ.

И она передала извѣстіе о пріѣздѣ изъ Питера богатыхъ владѣльцевъ подгороднаго села Калинина.

— Авось и тебѣ, прибавила хозяйка, не будетъ худо. Какая ни есть работа, а все таки перепадетъ отъ новыхъ господъ.

Я покачала головой и вздохнула: на что имъ моя работа, у нихъ вѣрно всего навезено изъ Питера.

— Не перечь, не перечь раньше времени. Ты

мало жила на свѣтѣ. Вотъ что! У богатыхъ господъ, что часъ, то причуда. Знакомый хохолъ мнѣ говорилъ ихъ поговорку: панъ яко дурень, что захочеть, то и сробить. Не вѣсть что захотятъ!

Но я мало надѣялась и совершенно не думала о калининскихъ господахъ, какъ вдругъ, черезъ двѣ недѣли, явился ко мнѣ отъ нихъ посланный съ заказомъ. Нарядный-пренарядный лакей, такихъ нарядныхъ и господъ я не видала въ нашемъ городѣ, привезъ мнѣ нѣсколько бѣлаго атласу, платье маленькой барышни для мѣрки и модную картинку, изображавшую испанку. Съ этой картинки я должна была взять фасонъ для барышнинаго костюма.

Лакей, подавая мнѣ матерію, строго на строго наказывалъ приготовить костюмъ въ два дня, къ имянинамъ самаго барина, такъ какъ въ этотъ день барышня будетъ танцовать испанскій танецъ.

Разумѣется, заказъ отъ богатыхъ господъ порадовалъ, взволновалъ меня. Но представьте себѣ мою радость, когда лакей объявилъ, что плата за работу полагается 5 рублей, да сверхъ того 5 рублей награды, если я сошью костюмъ хорошо и угожу господамъ.

— Однако не забудьте, прибавилъ онъ, если испортите платье или, Боже сохрани, запачкаете, то выйдетъ статья другая! Искры посыпались у меня изъ глазъ отъ радости. Шутка сказать: въ два дня заработать 10 рублей, когда обыкновенно въ цѣлый мѣсяцъ мнѣ не перепадало столько.

Я отвѣтила почти безсознательно, что за работу берусь и выполню ее къ назначенному времени.

Только по уходѣ лакея я обратила вниманіе на послѣднія его слова. Что если я испорчу платье, не съумѣю его скроить или, Боже сохрани, чѣмъ нибудь запачкаю матерію, то будетъ мнѣ худо!

Со страхомъ стояла я передъ атласомъ, не рѣшаясь кроить и если бы не толчки добродушной хозяйки, то не принялась бы за дѣло до самаго вечера.

Но какъ скоро я скроила удачно и принялась за работу, страхъ мой какъ рукой сняло. Десять рублей такъ и носились предъ глазами. Ужо разбогатѣю, думала, куплю себѣ отличное платье, чаю, сахару и два рубля дамъ впередъ хозяйкѣ за квартиру.

Работы за костюмомъ было не мало, такъ

что пришлось первую ночь просидѣть до двухъ часовъ, а на другой день и совсѣмъ не ложилась спать.

Передъ зарей я задремала надъ своимъ шитьемъ, проснулась когда уже было давно свѣтло. Въ испугѣ, что не успѣю кончить работу къ сроку, начала я быстро водить иголкой, но усталые глаза точно покрылись туманомъ и вдругъ, вмѣсто атласа, я воткнула иголку во что то мягкое, причемъ почувствовала боль, схватила уколотый палецъ и начала сжимать его изъ всѣхъ силъ: капля крови скатилась на атласъ.

Тяжело мнѣ было лишиться отца, горько было остаться безпріютной сиротой послѣ смерти матери, но такого отчаянія, говорю прямо, я еще въ жизни не испытывала. Ужасъ охватилъ меня при видѣ капли крови, которая ясно выдавалась на бѣломъ атласѣ.

Господи, думала я, испортить, запачкать платье, лишиться 10 рублей! Всѣ мои надежды лопнули, я все потеряла! Быть можетъ еще накажутъ меня какъ нибудь: они такіе богатые, сильные! Впрочемъ, что мнѣ въ наказаніи! Я все потеряла, все... Воды, воды, вдругъ закричала я, бѣгая по комнатѣ со свѣчой и не замѣчая, что горячее сало катилось и жгло мнѣ руки.

— Батюшки! знать у ней пожаръ, отозвалась хозяйка на мой крикъ. Да что ты, шальная, сказала она, увидѣвъ, что у меня ничего не горитъ. Что ты орешь, на что тебѣ вода-то понадобилась?

— Я платье, платье чужое запачкала. Бога ради дайте, дайте мнѣ воды смыть пятно.

— Дамъ я тебѣ воды, дожидайся! Развѣ атласъ моютъ. Хуже еще испортишь. Ишъ что надѣлала! Ахъ ты горемычная, повторяла она, разглядывая пятно.

— Душенька Терентьевна, голубушка ты моя, шептала я, припадая къ хозяйкѣ, что я стану дѣлать! Спрячь ты меня, родимая, куда-нибудь подальше, чтобы они не нашли меня.

— Съ чего прятаться, ты вѣдь не человѣка убила. За платье не снимутъ головы. Иди лучше на лежанку, отлежись: вишь какъ знобитъ тебя съ испугу.

Она уложила меня на теплую лежанку, гдѣ обыкновенно спала она сама.

Я сейчасъ же заснула какъ убитая. Много ли, мало ли я спала, но первою моей мыслью, послѣ сна, разумѣется, было платье, закапанное кровью.

Что если бы можно было цѣлый день остать-

ся на лежанкѣ! Да не только день, кажется всю жизнь здѣсь пролежала бы: никто меня не видалъ бы, никто отвѣта за мою вину съ меня не потребовалъ бы. И безъ 10 рублей я спала спокойно; зачѣмъ я взяла работу на большихъ господъ? Польстилась на большую плату, вотъ тебѣ и большая плата! Но хозяйка не дала мнѣ долго горевать на лежанкѣ.

— На-ка, матушка, выпей чашку горячаго чайку, да иди исправлять платье. Ты, слушай меня, приладь такъ, чтобы пятно было между складками.

Такъ я и сдѣлала. Кое какъ удалось мнѣ прикрыть пятно складками на юбкѣ.

Чрезъ часъ, помянувъ царя Давида и всю кротость его, я садилась съ своей работой въ экипажъ, присланный за мной изъ Калинина.

Я тряслась какъ въ лихорадкѣ, когда входила въ большіе барскіе покои. Знакомый лакей провелъ меня въ барышнину комнату, которая показалась мнѣ раемъ земнымъ. Чего только въ ней не было! Кругомъ зеркала, картины, а ноги такъ и тонули въ коврѣ.

Маленькая барышня сидѣла, по серединѣ комнаты, на стуликѣ. На видъ ей было не больше 8, 9 лѣтъ. Худенькая, личико до такой степе-

ни прозрачное, что всѣ жилки на вискахъ можно было пересчитать. Всего лучше я замѣтила глаза: большіе, черные, смотрѣли они ласково, но пытливо, точно спрашивали о чемъ нибудь. Такихъ глазъ я сроду не видывала.

Дѣвочку чесала няня, пожилая, пріятная женщина, въ бѣломъ чепцѣ. Она привѣтливо кивнула головой на мой поклонъ и просила подождать.

Барышня также поклонилась, оглядывая меня съ ногъ до головы.

Наконецъ прическа кончилась.

— Няня! можно мнѣ теперь скушать персикъ? спросила Ниночка, взявъ персикъ со стоявшаго передъ ней блюдечка.

— Подожди, Ниночка, прежде примѣримъ платье.

— Нѣтъ, теперь, няня, я хочу. Онъ такой красненькій хорошенькій!

— Я вижу, что хорошенькій, да развѣ хорошо заставлять людей ждать? Тебѣ вонъ персика не дождаться, а она, можетъ, въ два-то дня спины не разгибала надъ твоимъ платьемъ. Развѣ ей не хочется скорѣе получить деньги за работу.

Дѣвочка съ участіемъ взглянула на меня и молча принялась разстегивать себѣ платье.

Я развернула костюмъ и сама залюбовалась: такъ онъ вышелъ красивъ; но барышня даже не взглянула на обновку. Когда ее уже зашнуровали, она осмотрѣла себя передъ зеркаломъ.

На помощь нянѣ явилась красивая, веселая горничная. Она не столько помогала, сколько смѣялась, шутила и болтовней своей раздражала степенную няню и барышню.

Дѣвочка начинала уже капризничать: ей видимо надоѣло, что ея вертятъ и обдергиваютъ, какъ куклу. Мнѣ самой стало жалко ее: всякому на свѣтѣ своя мука, подумала я.

Вдругъ глаза дѣвочки остановились въ зеркалѣ на мнѣ и капризъ ея какъ рукой сняло.

— Няня, няничка, отчего она такая блѣдная, говорила Нина, показывая на меня пальчикомъ. Посмотри, точно бумага.

— Вѣрно много работаетъ. Отъ шитья, душенька, не поздоровѣешь.

— Отчего же наша петербургская швея Емилія была здоровая?

— Гмъ, Емилія! У Емиліи, барышня, мастерицы она рѣдко сама и работала.

— А эта все сама работаетъ? спросила дѣвочка пристально смотря на меня.

А пятно все не выходило изъ моей головы.

Оно мнѣ мерещилось и прыгало передъ глазами. Чтобы скрыть свое смущеніе, я наклонилась какъ будто бы для того, чтобы обдернуть юбочку барышни. Она, по прежнему, оглядывала меня съ ногъ до головы.

— Какъ у ней пальцы всѣ исколоты, прошептала она.

— Отъ шитья, барышня, отвѣчала я.

— Зачѣмъ же вы такъ неосторожно шьете, не хорошо! Емилія никогда не колола себѣ пальцы.

— Опять же, душенька, отъ того, возразила няня, что у Емиліи была машина, а эта шьетъ иголкой.

— Ахъ, отъ иголки! Попросите же вашего папу или маму купить вамъ машину, говорила поспѣшно дѣвочка, обращаясь ко мнѣ.

— У меня, барышня, родители давно уже померли, и денегъ нѣтъ, не на что купить машину.

— Значитъ сирота. Дайте я васъ поглажу по головкѣ, и она протянула ко мнѣ обѣ руки. Ну вотъ такъ, сказала она, проведя нѣсколько разъ по моей головѣ, и задумалась.

—Чего вы расчувствовались то, барышня, смѣялась горничная, вы ей не вѣрьте: она богачка.

— Да, у меня денегъ куры не клюютъ, возразила я, глубоко вздохнувъ.

— Перестань, замолчи! набросилась Нина на горничную и, быстро повернувшись, подбѣжала къ комодику, стоявшему въ углу, отворила ящикъ и вынула изъ него кошелекъ.

— Вотъ вамъ мой золотой, говорила она, кладя мнѣ деньги въ руку. Возьмите!

Няня покачала головой.

— Берите, берите, настаивала дѣвочка: папа мнѣ далъ деньги, чтобы я раздала ихъ бѣднымъ.

Я не рѣшалась взять золотой.

— Возьмите, сказала няня; Ниночка отъ души вамъ даетъ: она у насъ добрая дѣвочка!

— Добрая! повторила насмѣшливо горничная; вишь доброта какая! Деньги ей не нужно, вотъ она и раздаетъ ихъ, а попробуйте-ка попросить у ней персикъ, такъ вѣрно не дастъ. Такъ ли барышня?

Нина молча опустила голову.

— Что молчите, отдайте швеѣ вашъ персикъ, она вѣрно сроду ихъ не ѣдала. Что, не бось, жалко? Ага!

— Жалко, возразила печально дѣвочка.

— Что пустяки-то говоришь, вмѣшалась няня, Ниночка знаетъ, что бѣднымъ людямъ не персики, а деньги нужны.

Пока онѣ толковали, я собралась съ духомъ, чтобы поблагодарить барышню. Видитъ Богъ, что не за золотой, а за доброту, я готова была зацѣловать дѣвочку. Съ жаромъ схватила я маленькую ручку, протянувшую мнѣ добровольную милостину.

До сей поры мнѣ только платили и платили скупо за трудъ, никто куска хлѣба не далъ даромъ, изъ жалости. Ниночка первая подала мнѣ этотъ кусокъ.

Дѣвочка отдернула руку и, спрятавшись въ передникъ няни, шептала:

— Она меня благодаритъ, а мнѣ жалко было дать ей персика.

— Вамъ хочется персика? Вдругъ какъ то особенно рѣшительно, спросила она меня.

— Нѣтъ, барышня, не хочется. Съ персика я не буду сыта и здорова, а на ваши деньги проживу недѣли три безъ труда, отдохну и поправлюсь.

А мнѣ пора было отдохнуть: я давно чувствовала, что силы мои падаютъ. Всего чаще меня томили кашель и спина.

Нина не повеселѣла отъ моихъ словъ, она молчала, грустно опустивъ голову. Пальцы ея судорожно обдергивали платье. Вдругъ она

закричала, показывая пальцемъ на кровавое пятно.

— Что это такое? Откуда кровь?

— Какая гадость, пробормотала горничная.

Открылось! подумала я, и холодной потъ выступилъ у меня на лбу. Я уже начинала думать, что все сойдетъ благополучно. Боже, Боже!

— Простите, простите, Бога ради, шептала я, заливаясь слезами и падая на колѣни. Всю ночь я шила, въ глазахъ у меня помутилось, я наколола себѣ палецъ.

— Няня, няня! Она всю ночь шила мнѣ платье, торопилась, до крови колола себѣ пальцы! У меня ихъ много, а она такъ мучилась, всю ночь не спала... И теперь плачетъ, лепетала дѣвочка съ глазами полными слезъ.

Отъ слезъ и испуга я сильно закашлялась. Няня уговаривала меня встать и успокоиться.

— Гляди, гляди, продолжала говорить Нина, какъ она кашляетъ. Пожалуй умретъ, какъ дядя Вася, въ чахоткѣ и никто не поможетъ сироткѣ...

— О мы злые, злые! и она, судорожно рыдая, бросилась на шею къ нянѣ.

Старушка взяла ее на руки, хотѣла успокоить, но дѣвочка продолжала рыдать.

— Не надо мнѣ персика, не надо ничего! кричала, съ отчаяніемъ она, бросая на полъ персикъ, на который за минуту смотрѣла съ такой любовью.

Началась суматоха въ домѣ. На крикъ Ниночки прибѣжала сама барыня. Цѣлуя и ублажая свое дѣтище, она унесла его къ себѣ.

Обо мнѣ кажется всѣ забыли.

Я сидѣла въ какомъ то безпамятствѣ. Не то, чтобы я боялась наказанія за свой проступокъ, но больше всего поразило меня, что никто не бранилъ меня за мою вину и даже незнакомая, совсѣмъ чужая мнѣ дѣвочка плачетъ о моей участи. Господи! какія есть хорошія дѣти на свѣтѣ!

Отворилась дверь и та же веселая, красивая горничная подошла ко мнѣ.

— Надѣлали вы у насъ дѣла, говорила она, качая головой, вотъ вамъ пять рублей за работу и пять рублей обѣщанной награды. А это, прибавила горничная, подавая мнѣ туго набитый кошелекъ, барышня посылаетъ вамъ на швейную машину. Кричала, плакала до той поры, пока барыня не согласилась дать вамъ денегъ. Такая она у насъ причудница! А намъ, бѣднымъ людямъ, это на руку, сказала она, лукаво прищуривая мнѣ глазомъ.

Я взяла кошелекъ и только могла произнести:

— Дай ей Господи добраго здоровья!

Шатаясь, я побрела домой.

Дорогой меня бросало то въ холодъ, то въ жаръ.

Я чувствовала, что расхвораюсь. И потому, по приходѣ домой, не отвѣчая на распросы хозяйки, заперлась въ свою комнату и, не считая денегъ, зашила я ихъ въ тюфякъ, на тотъ случай, чтобы, во время болѣзни, не украли ихъ у меня.

Двѣ недѣли пролежала я въ лихорадкѣ и, когда встала, то калинкинскихъ господъ уже не было въ городѣ: они уѣхали обратно въ Питеръ.

Денегъ въ кошелькѣ оказалось больше ста рублей. Я тотчасъ же собралась ѣхать въ губернскій городъ, такъ какъ въ нашемъ городѣ швейныхъ машинъ нельзя было найдти днемъ съ огнемъ, а мнѣ непремѣнно хотѣлось исполнить желаніе моей маленькой благодѣтельницы.

Здѣсь помогла мнѣ совѣтомъ знакомая барыня, жившая когда-то въ нашемъ городѣ.

Машину удалось купить хорошо и дешево.

Шьетъ за пятерыхъ и въ губернскомъ городѣ платятъ лучше и больше.

Однимъ словомъ, вся моя жизнь повернулась иначе, и отчего? Только отъ того, что маленькая, но богатая дѣвочка взглянула на меня какъ на человѣка, а не какъ на швейную машину.

Ахъ, мои дѣточки, хорошо жилось бы на свѣтѣ бѣднымъ людямъ, если бы богатые были по добрѣе!

Добрая, хорошая Ниночка! Останешься ли ты такой доброй? Богъ вѣсть!

А. Бѣлова.

ВОРОНЪ и ЖУРАВЛЬ.

Лѣтомъ 1848 г., пріѣхавши на вакацію въ деревню нашу, находящуюся въ Калужской губерніи, я нашелъ въ числѣ домашнихъ животныхъ, гулявшихъ по двору, журавля и ворона. Попали они къ намъ слѣдующимъ обра-

зомъ. Первый, въ предшествовавшую осень передъ отлетомъ, былъ подстрѣленъ въ крыло, но рана оказалась легкая, такъ что онъ скоро выздоровѣлъ и даже впослѣдствіи могъ летать. Воронъ же въ эту весну былъ взятъ изъ гнѣзда вмѣстѣ съ своимъ братомъ и воспитанъ у насъ, въ домѣ. Чаще ли онъ былъ на глазахъ у людей или по своему врожденному характеру, только этотъ воронъ сдѣлался совершенно ручнымъ, тогда какъ братъ его остался дикимъ и, едва у него отросли крылья, улетѣлъ. Журавль тоже, проведя осень и зиму въ избѣ, совершенно привыкъ къ дому и даже не пытался улетѣть, хотя крылья у него, послѣ весенняго линянія, не были подвязаны, какъ это сдѣлали осенью изъ предосторожности. Замѣтьте, что всѣ птицы, какъ домашнія, такъ и на волѣ, линяютъ по два раза въ годъ—весною и осенью. Журавль постоянно жилъ на дворѣ, а воронъ леталъ повсюду, но преимущественно вертѣлся тамъ, гдѣ были люди. За чаемъ, завтракомъ и обѣдомъ онъ былъ непремѣнный членъ, а къ ужину не появлялся только потому, что ложился спать съ закатомъ солнца. Сперва его кормили сырымъ мясомъ, но потомъ онъ самъ пересталъ ѣсть его и предпочиталъ вареное

или жареное и въ, особенности, любилъ всякаго рода пирожное. Впрочемъ онъ ѣлъ все.

Пирожное онъ умѣлъ доставать самъ. Шкафъ въ который оно обыкновенно ставилось, запирался не на замокъ, а щеколдою и воронъ садился на него, носомъ повертывалъ щеколду, дверь отворялась, онъ входилъ въ шкафъ и бралъ пирожнаго сколько ему заблагоразсудится. За обѣдомъ онъ обыкновенно садился на стулъ за младщею моею сестрою, тогда дѣвочкою лѣтъ 12-ти или 13-ти. Разумѣется его тотчасъ начинали кормить. Наѣвшись, онъ часть даваемаго ему мяса оставлялъ у себя за щеками, а остальную придумалъ прятать въ косы сестры и если она осмѣливалась вынимать его, то щипалъ ее за руки; а щипался онъ очень больно. Младшій брадъ мой испытывалъ это очена часто. Въ то время ему было 7 лѣтъ. Когда воронъ былъ еще очень молодъ, то братъ часто дразнилъ его, да потомъ и долженъ былъ раскаятся. Воронъ возненавидѣлъ его. Стоило только брату зазѣваться, воронъ къ нему подкрадывался и щипалъ за ноги, иногда до крови. Какъ братъ послѣ къ нему не подделывался, ничего не помогало: воронъ не бралъ у него даже пирожное. Какъ я уже сказалъ,

воронъ, подобно всѣмъ своимъ родичамъ, имѣлъ обыкновеніе прятать излишнюю пищу въ разныя мѣста: на дворѣ подъ щепки, въ соломенныя крыши, въ экипажи, словомъ вездѣ гдѣ найдетъ, по соображеніямъ своимъ, удобнымъ. Разъ мы были свидѣтелями слѣдующаго происшествія. Воронъ досталъ изъ подъ щепокъ на дворѣ спрятанный имъ творогъ и расположился закусить. Въ это время къ нему подлетѣла ворона и онъ, доставъ изъ своей кладовой еще нѣсколько творогу, положилъ его передъ вороною. Ворона съѣла его и, замѣтивъ откуда ея амфитріонъ бралъ свой творогъ, сама отправилась туда. Увидавъ такое посягательство на свою собственность, воронъ бросился на нее, сталъ клевать и до тѣхъ поръ не успокоился, пока не прогналъ со двора. Воръ по натурѣ, воронъ нашъ и въ ручномъ состояніи оставался вѣрнымъ своему характеру. Нельзя было оставить на виду ни одной вещи, которая бы была ему посиламъ: воронъ непремѣнно ее унесетъ и большаго труда стоило отыскать ее. Спасибо, что подмѣтили обыкновеніе его прятать похищенныя вещи по близости отъ того мѣста, гдѣ онѣ находились. Чаще всего приходилось искать гребни и щетки сестеръ:

онъ умѣлъ выдвигать туалетные ящички и все, что въ нихъ лежало непремѣнно исчезало. Разъ мать моя ходила по саду и воронъ былъ тутъ же. Мать держала въ рукѣ, вмѣстѣ съ платкомъ, маленькую серебряную табакерку. Блестящая вещица скоро привлекла его вниманіе. Не помню, что мать въ то время дѣлала, только табакерка выскользнула у нее изъ рукъ и не успѣла она даже наклониться, чтобы поднять ее, какъ воронъ подхватилъ ее и улетѣлъ. Разумѣется, за нимъ слѣдили и табакерку тотчасъ же взяли, какъ только онъ оставилъ ее въ соломенной крышѣ конюшни. Свойственная вòронамъ наблюдательность, выказывалась въ нашемъ, и, по всѣй вѣроятности, еще въ большей степени отъ постояннаго общенія съ людьми Не было предмета или дѣйствія, котораго онъ бы не подмѣтилъ. Я уже упомянулъ о табакеркѣ и щеколдѣ. Онъ зналъ какъ открывается тотъ или другой ящикъ, въ какую сторону какая дверь отворяется; это можно было видѣть потому, какъ онъ, не имѣя силы самъ отворить дверь, однако усиливался сдѣлать это и непремѣнно въ надлежащую сторону. Не только все наше семейство, но и вся дворня любила его, хотя на ней преимущественно выказывались его во-

ровскія наклонности: дворовымъ дѣвушкамъ и женщинамъ ни на минуту, если только воронъ былъ по близости, невозможно было оставить наперстка, ножницъ и проч.; у кучеровъ онъ кралъ кнуты, перчатки, щетки, скребницы; у повара ложки и другія мелкія вещи, словомъ все, что только могъ поднять, и никто на него за это не сердился, развѣ только скажутъ: „экой ты ворка разбойникъ“ и идутъ отыскивать свои вещи. Можетъ быть вы, друзья мои, знаете, что для того, чтобы земляника и клубника давали обильныя и крупные ягоды, ихъ необходимо отъ времени до времени (черезъ 3 года) разсаживать. Нашъ садовникъ цѣлый день употребилъ на посадку четырехъ грядъ шпанской земляники и только къ вечеру управился. Воронъ нѣсколько разъ навѣдывался къ нему во время работы. По утру на другой день садовникъ приходитъ полить свой вчерашній трудъ и видитъ, что воронъ уже предупредилъ его: всѣ кустики земляники на трехъ грядахъ были повыдерганы и воронъ трудился надъ концемъ четвертой. Покачалъ садовникъ головой, назвалъ его „разбойникомъ“, на что воронъ по своему что-то прокурныкалъ очень дружелюбнымъ голосомъ, и долженъ былъ вновь

принятся за вчерашнюю работу. За то съ своей стороны и садовникъ могъ быть покоенъ. Замѣтивъ, что куры не допускаются въ садъ, воронъ, безъ всякаго посторонняго побужденія, безпощадно изгонялъ ихъ изъ него и почти отучилъ ходить туда.

Между домомъ и кухнею, въ нашей деревнѣ, существуетъ деревянная рѣшетка, укрѣпленная между толстыми столбами и отдѣляющая дворъ отъ сада, а на дворѣ у насъ всегда бывало три или четыре борзыхъ собаки. Какъ-то разъ, поваръ бросилъ одной изъ нихъ кость, которую она принялась грысть не далеко отъ рѣшетки. Воронъ это видѣлъ и захотѣлъ полюбопытствовать, что-такое ей дали; но собака искоса слѣдила за нимъ глазами и если онъ подходилъ близко, то оскаливала зубы и рычала на него. Что же онъ придумалъ? Обошелъ ее сзади и дернулъ за хвостъ. Собака, забывши про кость, со злостью обернулась къ нему, а ворону только этого и хотѣлось. Онъ однимъ взмахомъ крыльевъ подскочилъ къ кости, а другимъ взлетѣлъ на столбъ. Все это произошло быстрѣе, нежели мы можемъ разказать. Надо было видѣть глупую физіономію собаки, которая не нашла ничего лучшаго сдѣлать, какъ залаять на него. Воронъ же,

убѣдившись, что на кости ему нечѣмъ поживить-ся, бросилъ ее обратно собакѣ, а самъ улетѣлъ вѣроятно, вспомнивъ про другія, неотложныя свои дѣла.

Въ это время журавль предавался совершенно противоположной дѣятельности: онъ присвоилъ себѣ обязанности охранительной полиціи. Мѣрно шагая по двору ,онъ зорко наблюдалъ, чтобы между птичьимъ населеніемъ его не происходило никакихъ безпорядковъ: какъ только куры, пѣтухи или индѣйки подерутся между собой, или послѣднія съ павлиномъ, съ которымъ онѣ были въ постоянной враждѣ, журавль тотчасъ является на мѣсто происшествія, разгоняетъ посорившихся и больно наказываетъ виновныхъ, если они вздумаютъ сопротивляться ему и продолжать драку—сильный ударъ клювомъ тотчасъ возстановлялъ порядокъ и должную дисциплину. Самъ же онъ никогда никаго не затрогивалъ и ни съ кѣмъ не сорился. Очень часто въ хорошую погоду, утромъ или вечеромъ, ему приходила фантазія танцовать. Распустивъ крылья, онъ начинаетъ подпрыгивать, вытягиваетъ шею вверхъ, потомъ вдругъ быстро опускаетъ ее—точно кланяется, схватитъ съ земли перо или щепку, подброситъ

ихъ и побѣжитъ впередъ, пріостановится, протрубитъ своимъ громкимъ голосомъ, словомъ, выдѣлываетъ такіе уморительные штуки и прыжки, что на него невозможно въ это время смотрѣть безъ смѣха.

Сначала воронъ и журавль боялись другъ друга, но скоро свыклись и сдѣлались друзьями. Бывало воронъ, летая по всюду свободно, запутаетъ ноги въ пенькѣ или паклѣ и тотчасъ летитъ къ журавлю, ложится передъ нимъ на спину, а тотъ длиннымъ носомъ своимъ начинаетъ его распутывать. Если при этомъ журавль дѣйствуетъ неосторожно, то воронъ кричитъ на него, а не то и клюнетъ. Часто они играли между собою, бѣгая другъ за другомъ, а иногда журавль танцовалъ передъ ворономъ. Казалось, что они какъ будто понимали другъ друга и вели между собою разговоры, потому что звуки, которые они издавали въ это время, отличались особенною интонаціею. Напримѣръ, разъ воронъ сидѣлъ по срединѣ двора и чѣмъ то занимался. Къ нему подходитъ журавль и начинаетъ на что-то уговаривать. Воронъ отвѣчаетъ отрывистыми звуками и отвертывается отъ него. Журавль отправляется къ воротамъ, возвращается назадъ; но другъ его остается непреклон-

нымъ. Комедія эта повторяется нѣсколько разъ. Наконецъ, воронъ смягчается и они вмѣстѣ улетаютъ на токъ, гдѣ въ это время молотили пшеницу. Тутъ открылось, чего хотѣлось журавлю: воронъ своимъ толстымъ, здоровымъ клювомъ проклевывалъ мѣшки, а журавль доставалъ оттуда зерна. Какъ видите, первый дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ безкорыстно на пользу друга, потому что самъ никакихъ зеренъ не ѣлъ. По воскресеньямъ они летали въ приходское наше село, гдѣ по этимъ днямъ бываетъ торгъ и гдѣ ихъ всѣ знали, а потому позволяли ворону безнаказанно таскать калачи, пряники и другія незатѣйливыя лакомства, а журавлю зерновой хлѣбъ, подсолнечныя и тыквенныя сѣмячки и проч.

Между тѣмъ вакація кончилась и я долженъ былъ уѣхать изъ деревни. Уже гораздо позднѣе я узналъ, что любимцевъ моихъ постигла катастрофа, какъ это почти всегда случается съ прирученными дикими животными, которыхъ оставляютъ на волѣ и которыя такъ привыкаютъ къ обращенію между людьми, что оставляютъ всякую осторожность и недовѣрчивость къ нимъ. Журавль до того привыкъ къ людямъ и дому, что не обращалъ вниманія на дикихъ

своихъ родичей, часто пролетавшихъ надъ нашей усадьбой и звавшихъ его своимъ крикомъ; но когда убирали хлѣбъ, онъ часто улеталъ на полѣ, чтобы попользоваться свѣжими зернами. Свои крестьяне и ближайшіе сосѣди знали его и никому изъ нихъ не приходило на мысль сдѣлать ему, что либо дурное. Но случилось проходить чрезъ наши поля незнакомому охотнику, который видя журавля, подпустившаго его къ себѣ такъ близко, пустилъ въ него зарядъ дроби и тяжело ранилъ. Первый, встрѣтившійся сосѣдъ нашъ объяснилъ ему, что это журавль ручной и чей онъ; а какъ насъ вообще любили въ окружности нашего имѣнія, то взялъ у него журавля и принесъ къ намъ; но къ несчастію, никакой уходъ за нимъ не помогъ, и онъ скоро околѣлъ.

Воронъ же погибъ другимъ образомъ. На дворъ къ намъ въѣхалъ на телѣгѣ нищій-калека. Какъ часто случается въ деревняхъ въ лѣтнее время, на дворѣ никого не было, кромѣ нѣсколькихъ ребятишекъ. Я забылъ сказать, что воронъ страстно любилъ лошадей не только своихъ, на которыхъ смѣло садился, прогуливался по спинѣ, копался въ ясляхъ, теребилъ за гривы, очищалъ копыта; но и чужихъ. Прі-

ѣзжіе кучера очень занимались имъ и тоже не сердились, когда бывало передъ отъѣздомъ имъ приходилось отыскивать свои кушаки, перчатки и кнуты. Увидавъ лошадь, воронъ тотчасъ подлетѣлъ и сѣлъ на дугу, а нищій ударилъ его за это палкою и убилъ на мѣстѣ, оправдываясь потомъ, что онъ не зналъ, что воронъ ручной.

Вл. Толмачевъ.

Ежъ.

ЕЖЪ.

Въ одномъ, знакомомъ мнѣ семействѣ былъ ручной ежъ. Это было маленькое, толстое, неуклюжее, но доброе и простодушное созданіе, съ острою мордочкою, маленькими, добрыми глазами, короткими ушами и толстыми неуклюжими ногами, все покрытое иглами. Только его мордочка, брюхо и ноги были покрыты рыжеватою шерстью. Когда ежъ сердился, то надвигалъ свои иглы на самый лобъ; но сердился онъ рѣдко, чаще пугался и тогда свертывался въ клубокъ, выставляя иглы, какъ единственное орудіе своей защиты. Поймали этого ежа очень молодымъ и совершенно нечаянно. Разъ какъ-то, лѣтомъ, все семейство сидѣло на балконѣ

своего деревенскаго дома и услыхало страшный лай собакъ на дворѣ. Всѣ бросились туда смотрѣть, что случилось, и увидали, что посреди двора лежитъ, свернувшись клубкомъ и выставивъ иглы, очень маленькій ежъ, вѣроятно впервые покинувшій свое родное гнѣздо, и вокругъ него собаки. Эти послѣднія съ остервененіемъ, по очередно, бросались на ежа, но, уколовъ морды объ его иглы, съ визгомъ и лаемъ отскакивали назадъ. Замѣтимъ кстати, что собаки непримиримые враги ежей и безпощадно преслѣдуютъ и нападаютъ на нихъ вездѣ, гдѣ только встрѣтятъ ихъ. Сцена ежа съ собаками можетъ быть продолжалась бы и долго, если бы дѣти не прогнали собакъ и не приняли на себя защиту маленькаго звѣрка, рѣшившись взять его къ себѣ на воспитаніе. Осторожно накрыли они его шапкою, принесли домой, устроили ему, въ одной изъ комнатъ, помѣщеніе изъ сѣна и сухихъ листьевъ, и посадили его туда. Долго лежалъ ежикъ свернувшись въ клубокъ, не обращая вниманія на поставленное ему молоко и на всѣ ухаживанья дѣтей. Наконецъ дѣти ушли и ежъ, оставшись одинъ, высунулъ свою мордочку и увидавъ, что около него нѣтъ никого, развернулся и принялся ѣсть стоявшее передъ

нимъ молоко. Мало по малу ежъ сталъ ручнѣть и скоро до того привыкъ къ своимъ воспитателямъ, что не только не боялся ихъ и не свертывался въ клубокъ при ихъ приближенiи, но ѣлъ съ рукъ и давалъ себя трогать. Онъ въ особенности любилъ молоко съ бѣлымъ хлѣбомъ, которое часто давали ему, а также былъ большой охотникъ до плодовъ и овощей. Освоившись и ознакомившись съ домомъ и сдружившись съ его жителями, ежъ нашелъ свое помѣщенiе неудобнымъ и самъ выбралъ для своего мѣста жительства гостиную. Комната эта была большая, съ мраморнымъ каминомъ; между каминомъ и дверью стояли большiе, старинные столовые часы изъ рѣзнаго орѣховаго дерева, съ циферблатомъ на верху, надъ которымъ красовался левъ. Когда часы били, то левъ поднималъ и опускалъ одну изъ своихъ ногъ и такъ страшно поводилъ глазами, что приводилъ въ неописанный восторгъ всѣхъ дѣтей, которыя во время боя часовъ толпою сбѣгались смотрѣть на льва. Вотъ подъ этими то часами, между поломъ и ихъ ножками, помѣстился нашъ увалень-ежъ. Весь день онъ спалъ, какъ это дѣлаютъ и всѣ ежи, а ночью отправлялся на охоту для добыванiя себѣ пищи, такъ какъ молока, хлѣба, плодовъ и ово-

щей, для ежа мало: ему необходима и животная пища, которую составляютъ мыши, кроты, тараканы и пр. По этому, съ наступленіемъ вечера, ежъ вылезалъ изъ подъ часовъ и отправлялся на промыселъ въ садъ, бродилъ около амбаровъ и кладовыхъ, но къ утру всегда возвращался подъ часы.

У старшаго сына была большая лягавая собака, Роль, которая тоже привыкла къ ежу и не дѣлала ему ни малѣйшихъ непріятностей, но только почему-то приняла на себя обязанность надзирать за нимъ. Если ежъ въ сумерки уходилъ въ садъ и собака встрѣчала его въ которой нибудь изъ аллей, она считала непремѣнной обязанностью принести нашего толстяка въ домъ, что стоило ей не малаго труда, благодаря его игламъ. Чтобы взять его, собака поджимала бы, выдвигала зубы, которыми и захватывала ежа за иглы, и такимъ образомъ, приносила его на балконъ и бережно опускала на полъ. Ежъ такъ привыкъ къ этой процедурѣ, что не оказывалъ Ролю ни малѣйшаго сопротивленія и, лишь только Роль клалъ его на полъ, ежъ немедленно расправлялся и отправлялся подъ часы. Однако же, не всегда Роль приносилъ ежа такъ благополучно; случалось, что на по-

ловинѣ дороги онъ ронялъ его, но нашъ увалень оставался совершенно спокойнымъ и терпѣливо ждалъ, чтобы собака снова взяла его за щетинки и принесла на балконъ. Надо было слышать какой лай подымалъ Роль, когда ежъ выскользалъ у него изъ зубовъ.

Такъ провелъ ежъ все лѣто; наступила зима и всѣ думали, что ежъ погрузится въ спячку, такъ какъ вся его родня проводитъ зиму въ оцѣпененіи, и придумывали куда бы удобнѣе помѣстить его на это время. Но ежъ, живя въ теплѣ, не заснулъ, а продолжалъ вести тотъ же образъ жизни, т. е. спать днемъ и бодрствовать ночью; но такъ какъ онъ уже не могъ уходить изъ дому, то и охотился по ночамъ въ самомъ домѣ, за мышами и тараканами. Всю ночь онъ возился, расхаживалъ повсѣмъ комнатамъ и тяжелые шаги его раздавались по цѣлому дому; онъ лазалъ подъ шкафы, комоды, печи и въ короткое время уничтожалъ едвали не всѣхъ тараканов и множество мышей. Разъ ночью раздался страшный стукъ, какъ отъ паденія какого нибудь тяжелаго тѣла. Весь домъ переполошился. Всѣ выскочили изъ своихъ комнатъ, кто съ свѣчей, кто съ палкой, кто съ кочергой, и бросились, на стукъ, въ

класную комнату дѣтей. Войдя туда увидали, что подпорка, на которую ставилась большая черная класная доска, лежитъ на полу, мѣлъ и губка разбросаны по сторонамъ. Недоумѣвали, чтобы это значило, и собирались обыскивать нѣтъ ли вора, но воръ и виновникъ всей тревоги оказался на лицо: онъ лежалъ тутъ же въ углу, свернувшись въ клубокъ—это былъ ежъ. Преслѣдуя мышей, онъ зацѣпился за подставку доски, повалилъ ее и самъ, испугавшись произведеннаго стука, запрятался въ уголъ, гдѣ и лежалъ, свернувшись въ клубокъ.

Въ той же гостиной, гдѣ были часы, подъ которыми жилъ ежъ, стоялъ рояль, и старшіе члены семьи часто играли на немъ и пѣли. Ежъ такъ полюбилъ музыку, что только она одна могла пробудить его отъ деннаго сна. Какъ только раздавались первые аккорды рояля, нашъ увалень высовывалъ изъ подъ часовъ свою мордочку, подымалъ уши, какъ бы прислушиваясь. Потомъ, мало по малу, вылезалъ самъ и, переваливаясь и сильно стуча своими неуклюжими ногами, медленно подходилъ къ роялю и усаживался подъ нимъ. Если играли тихую мелодію, то ежъ сидѣлъ, вытянувъ мордочку и навост-

ривъ уши; если же пьеса была громкая, шумная, бравурная, то онъ приходилъ въ какое-то возбужденное состоянiе: иглы его то подымались, то опускались, то надвигались на лобъ; но онъ все таки не уходилъ изъ подъ рояля, а оставался до окончанiя музыки, и тогда уже, переваливаясь и топая, уходилъ къ себѣ подъ часы. Страсть къ музыкѣ у него была такъ сильно развита, что онъ бросалъ свое молоко, до котораго былъ большой охотникъ, лишь только начинали играть на рояли. Случалось и такъ, что въ то время, когда взрослые члены семейства играли въ гостиной на рояли, кто нибудь изъ дѣтей садился играть на фортопьянахъ, которыя стояли въ залѣ, и тогда ежъ, вылезши изъ подъ часовъ, оставался посреди гостиной въ недоумѣнiи, куда идти слушать музыку: подъ рояль или подъ фортопьяны. Но подумавъ съ минуту, онъ отправлялся на свое обычное мѣсто, подъ рояль. Вкусъ ли изящнаго былъ у него развитъ и онъ предпочиталъ быть подъ роялемъ и слушать хорошую музыку, или просто привычка къ мѣсту, брала верхъ— кто разрѣшитъ этотъ вопросъ? Точно также онъ поступалъ, когда пѣли, а иногда подтягивалъ поющимъ своимъ хрюканьемъ.

Такъ прожилъ ежъ года два и, благодаря хорошему корму, выросъ и раздобрѣлъ. Вдругъ въ одинъ день, ежъ исчезъ. Напрасно искали его подъ шкафами, комодами, печами, нигдѣ не могли найти. Играли на рояли, пѣли, но ежъ не являлся. Вся семья очень жалѣла о своемъ любимомъ увальнѣ и не доумѣвала, куда могъ онъ дѣваться; но дѣлать было нечего—ежъ изчезъ. Такъ прошло два дня, объ ежѣ не было и слуху; вдругъ, на третій день, ежъ вылѣзъ изъ подъ огромнаго шкафа, подъ которымъ его кажется и не думали искать, такъ какъ пространство между поломъ и шкафомъ было очень незначительно. Вся семья, въ особенности дѣти, обрадовались своему звѣрку, какъ лучшему другу. Бѣдный увалень, пропостившись подъ шкафомъ два дня, сильно похудѣлъ; дѣти тотчасъ принесли ему молока, которое онъ принялся ѣсть съ жадностью. Наѣвшись и напившись, онъ отправился на свое старое мѣсто подъ часы. Оказалось, что ежъ, гоняясь за мышью, вслѣдъ за нею подлезъ подъ шкафъ, несообразивъ, что толстъ, и, разумѣется, увязъ. Просидѣвъ подъ нимъ безъ пищи два дня, онъ спалъ съ тѣла и вылезъ здравъ и невредимъ, и снова зажилъ своею старою

жизнью. Дальнѣйшіе эпизоды жизни этого ежа мнѣ уже не извѣстны, но взамѣнъ ихъ разскажу моимъ юнымъ читателямъ, какъ живутъ ежи на свободѣ.

Въ іюлѣ или августѣ появляются на свѣтъ Божій маленькіе ежи; они родятся голыми, но иглы ихъ выростаютъ очень скоро по рожденіи; впрочемъ, иногда ежики родятся и съ иглами, но, въ такомъ случаѣ, иглы эти очень коротки и бѣловатаго цвѣта. Черезъ четыре недѣли по рожденіи, маленькіе ежи умѣютъ уже ѣсть сами и начинаютъ выходить изъ своего гнѣзда, но остаются еще подъ надзоромъ или отца, или матери. Въ концѣ октября, вся семья ежей расходится и каждый членъ ея устроиваетъ для себя отдѣльное жилище. Жилище это очень не затѣйливо—просто нора, которую ежъ почти никогда не роетъ самъ, но довольствуется тѣмъ углубленіемъ, какое найдетъ въ землѣ, и въ немъ устраиваетъ свое гнѣздо изъ травы и сухихъ листьевъ. Матеріалы эти онъ собираетъ самымъ оригинальнымъ образомъ. Отыскавъ мѣсто, на которомъ много свалившихся сухихъ листьевъ, ежъ катается и валяется въ нихъ, до тѣхъ поръ, пока множество листьевъ не пристанетъ къ его игламъ, и съ такимъ за-

пасомъ, онъ ползетъ въ свою нору: стряхнется, листья опадаютъ съ него въ гнѣздо, онъ своими толстыми ногами уминаетъ ихъ и отправляется за новымъ запасомъ, и такъ до тѣхъ поръ, пока не устроитъ удобнаго и теплаго помѣщенія; этими же листьми, онъ заваливаетъ свою нору такъ, что снаружи жилище ежа представляется кучей сухой травы и сухихъ листьевъ. Въ такомъ-то гнѣздѣ ежъ, свернувшись въ клубокъ, укладывается на всю зиму, которую и проводитъ въ оцѣпененіи; но съ первыми весенними днями онъ просыпается и вылезаетъ изъ норы. Лѣтомъ, какъ мы уже знаемъ, ежъ проводитъ весь день во снѣ и его легко можно найти хорошо запрятаннымъ подъ кустами, въ кучахъ прутьевъ, въ ямахъ и другихъ подобныхъ мѣстахъ, гдѣ, боязливо свернувшись въ клубокъ, онъ выжидаетъ сумерекъ. Какъ только солнце спрячется, начинается его дѣятельность. Онъ медленно вылезаетъ изъ своего убѣжища и принимается за охоту. Ежъ бѣгаетъ хотя и быстрыми шагами, но движется очень медленно; лазать совсѣмъ не можетъ, такъ что, если ему случится, во время своей охоты, взобраться на какое нибудь незначительное возвышеніе, то онъ очень неуклюже ска-

тывается съ него кубаремъ, не причиняя, впрочемъ, себѣ ни какаго вреда, благодаря упругости своей брони—игламъ. Однако же, не смотря на всю свою неповоротливость, онъ на охотѣ необыкновенно ловокъ; нападаетъ съ удивительной быстротою на проворныхъ мышей, разрываетъ ихъ норы, вытаскиваетъ ихъ оттуда и кушаетъ. Кромѣ мышей, ежъ питается сверчками, тараканами, кузнечиками, червями, улитками, всевозможными жуками, даже ядовитыми, каковы шпанскія мухи, нарывники и пр.; ѣстъ личинокъ, гусеницъ, лягушекъ, ящерицъ, мѣдяницъ, ужей, змѣй, даже ядовитыхъ змѣй, какъ гадюка, ядъ которыхъ не причиняетъ ему ни малѣйшаго вреда. Не ядовитыхъ змѣй онъ ѣстъ какъ попало, закусывая ее съ любой части тѣла, но съ ядовитыми онъ поступаетъ осторожнѣе и прежде всего старается раздробить ей голову, а потомъ уже ѣстъ ее. Впрочемъ, были примѣры, что гадюки кусали ежа въ самое чувствительное мѣсто—въ языкъ, но ежъ нисколько не тревожился подобнымъ укушеніемъ и не чувствовалъ себя отравленнымъ, оставаясь совершенно здоровъ, какъ будто былъ укушенъ самымъ невиннымъ животнымъ. Кротовъ, которыми ежъ тоже питается, онъ ловитъ вездѣ, гдѣ

только встрѣтитъ ихъ. Кромѣ животной пищи, ежъ употребляетъ и растительную: онъ ѣстъ плоды, сваливающіеся съ деревьевъ вслѣдствіе порчи, произведенной вредными садовыми насѣкомыми; любитъ овощи и вообще ѣстъ все, что попало. Запасы свои изъ овощей и плодовъ онъ собираетъ точно также, какъ собираетъ листья для гнѣзда: валяется по землѣ, на которой много овощей; онѣ пристаютъ къ его игламъ и онъ уноситъ ихъ въ свое гнѣздо. Ежъ вообще очень необщителенъ, живетъ всегда одинъ и рѣдко вмѣстѣ съ своей самкою. Не смотря на его иглы, у ежа много враговъ. Собаки ненавидятъ ежа, нападаютъ на него вездѣ, гдѣ могутъ, часто разрываютъ его нору и закусываютъ его до смерти; лисицы ловятъ ежей и истребляютъ; истребляютъ ихъ и филины, которые очень легко могутъ запустить свои длинные, острые когти между его иглами. Много гибнетъ ежей и отъ зимняго холода. Говорятъ, что эти неуклюжіе звѣрки глупы, неосторожны, пугливы, забывчивы; но они такъ добродушны, такъ незлобивы, такъ много пользы приносятъ людямъ, уничтожая вредныхъ насѣкомыхъ, мышей, змѣй и пр., что я поручаю ихъ особенному покровительству моихъ юныхъ читателей. Это для нихъ тѣмъ

легче, что ежи живутъ во всѣхъ лѣсахъ, во всѣхъ садахъ, около изгородей и даже часто поселяются подъ балконами тѣхъ деревенскихъ домовъ, которые окружены садами и лѣсомъ. Для того, чтобы пріучить ежа жить въ своемъ саду, стоитъ только устроить, въ какомъ нибудь густомъ, колючемъ кустарникѣ, удобное для него помѣщеніе и протоптать туда дорожку; однимъ словомъ, просто поставить тамъ ящикъ, одна сторона котораго была бы открыта, наложить туда сухой травы и сухихъ листьевъ, и ежъ непремѣнно отыщетъ его и поселится въ немъ.

Е. Бороздина.

ДРУЖОКЪ.

У одной моей знакомой дѣвочки есть собака, которую зовутъ Дружкомъ. Дружокъ самой простой породы: черный съ двумя желтыми пятнами надъ глазами, съ небольшимъ

и очень некрасивымъ хвостомъ. Онъ почти ничѣмъ не отличается отъ собакъ, какъ ихъ обыкновенно называютъ, дворняшекъ. Я сказалъ, что онъ *почти ничѣмъ* не отличается. Изъ этого, конечно, слѣдуетъ, что онъ чѣмъ-нибудь да отличается отъ обыкновенныхъ собакъ. Чѣмъ же именно? Глазами, чудесными, умными глазами. Вы не подумайте, что я говорю про цвѣтъ глазъ; нѣтъ, цвѣтъ глазъ у него очень обыкновенный, какой встрѣчается у цѣлыхъ тысячъ собакъ: темно-коричневый, но выраженіе этихъ глазъ въ высшей степени замѣчательно; это выраженіе такъ и говоритъ вамъ о томъ, что Дружокъ умница, что онъ многое понимаетъ, что онъ въ собачьемъ родѣ, по своему уму, долженъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ.

Я сказалъ, что Дружокъ очень простой породы и очень уменъ.

Дружокъ былъ принесенъ къ моей знакомой дѣвочкѣ маленькимъ щенкомъ. Въ это время онъ походилъ на всѣхъ щенковъ, какъ и младенцы походятъ на всѣхъ другихъ младенцевъ; никакими особенными качествами онъ не отличался.

Въ концѣ перваго года съ нимъ былъ такой случай: Вѣрочка и все ея семейство сидѣли

какъ-то за вечернимъ чаемъ. Дружокъ, по обычаю, вертѣлся, бѣгалъ около стола. Вдругъ Вѣрочка закричала: Папа! Мама! Посмотрите, посмотрите, Дружокъ всталъ на лапки! Отецъ и мать Вѣрочки взглянули на Дружка и дѣйствительно увидѣли, что онъ стоитъ передъ Вѣрочкой на заднихъ лапкахъ и какъ-бы хочетъ сказать: Вѣрочка, дай мнѣ хлѣбца.

Я долженъ объяснить, что Дружка никто никогда не училъ искусству становиться на лапки. Никто никогда не упоминалъ объ этомъ ни однимъ словомъ. Спрашиваю: кто же научилъ его? Какъ онъ могъ понять, что стояніе на лапкахъ показываетъ его самую большую просьбу? Вы хорошо знаете, что человѣкъ, желая усилить свою просьбу, становится на колѣни. Собака, желая усилить просьбу, становится на лапки. Изъ этого случая съ Дружкомъ вы можете убѣдиться, что у собакъ есть умъ и умъ не малый, что у собаки, также какъ и у людей, работаетъ мозгъ и именно въ такой степени, въ какой назначено ему работать природой. Съ этого времени Вѣрочка принялась за обученіе Дружка, который необыкновенно скоро понималъ ея уроки. Иногда онъ сблудитъ: съѣстъ что-нибудь или разобьетъ. Вѣрочка немедлен-

но принимается за него. „Дружокъ!—говоритъ она, —ты что сдѣлалъ? Ты съѣлъ говядину? Покажи сейчасъ какъ ты виноватъ!“ Дружокъ въ ту же минуту ложится на полъ и, вертя хвостомъ, ползетъ къ Вѣрочкѣ. Затѣмъ начинаетъ лизать ея ноги. „Проси сейчасъ прощенія“, продолжаетъ Вѣрочка. Дружокъ становится на лапки, подходитъ на лапочкахъ къ Вѣрочкѣ и ищетъ ея руку, которую онъ лижетъ. Если Вѣрочка послѣ этого погладитъ его, то онъ начинаетъ визжать, прыгать, словомъ выражать необыкновенную радость, потому что получилъ прощеніе. Нѣсколько разъ онъ попадался въ разныхъ проступкахъ: напр., съѣдалъ молоко, хлѣбъ, говядину. Послѣднюю онъ любитъ до страсти. Раза два таскалъ ее тихонько на рынкѣ у торговцевъ. Разумѣется, за каждый подобный проступокъ онъ получаетъ должное наказаніе: Вѣрочка деретъ его за уши и сѣчетъ розгой. Хлѣба и молока онъ уже не трогаетъ, но говядину все-еще таскаетъ,—значитъ у него не хватаетъ воли побороть себя въ этомъ случаѣ. Какъ-то разъ онъ былъ сильно наказанъ за то, что съѣлъ очень хорошее, приготовленное для гостей масло. Послѣ наказанія Вѣрочка нѣсколько разъ показала ему и дала

понюхать масленку. Прошло мѣсяцевъ пять, въ теченіе которыхъ никто и не вспоминалъ о съѣденномъ маслѣ. Наконецъ, Вѣрочка, какъ-то вспомнивъ объ исторіи съ масломъ, взяла масленку и показала ее Дружку. Въ то же мгновеніе онъ поджалъ хвостъ и, какъ угорѣлый, кинулся подъ диванъ, откуда долго не могли вызвать его никакими ласками.

Спрашиваю васъ, дѣти: есть ли у животнаго память? Ясно, что есть, иначе Дружокъ не скрылся бы подъ диванъ. Приведу вамъ другой случай изъ жизни Дружка, случай, доказывающій еще болѣе, что у него прекрасная память, какая не часто встрѣчается и у людей. Въ Петербургѣ онъ жилъ на Покровской площади. Хозяева его наняли другую квартиру за Обуховскимъ мостомъ. Кто изъ васъ жилъ или живетъ въ Петербургѣ, тотъ знаетъ, что между этими двумя мѣстами разстояніе не малое; но главное дѣло въ томъ, что Петербургъ не деревня: въ немъ и при маломъ разстояніи можно сбиться въ разныхъ переходахъ, поворотахъ, большихъ и маленькихъ улицахъ. Замѣтьте что на новой квартирѣ Дружокъ былъ только одинъ разъ, и именно тогда, когда хозяйка Дружка нанимала квартиру. Въ день переѣзда, онъ по-

шелъ съ Вѣрочкой и ея нянькой на Невскій проспектъ; но такъ какъ Вѣрочка зашла въ магазинъ. а его оставила ждать на улицѣ, то онъ, соскучившись ждать, вильнулъ хвостомъ и побѣжалъ, по прежней памяти, на старую квартиру. Квартира, съ которой только что переѣхали, случайно была отворена. Онъ вбѣжалъ въ комнаты, но, увидѣвъ, что онѣ совершенно пусты, остановился на мгновеніе, какъ пораженный. Госпожа, которая была при этомъ, разсказывала мнѣ, что Дружокъ какъ будто-бы вспоминалъ или обдумывалъ что-то, потомъ вдругъ бросился изъ квартиры стрѣлой и побѣжалъ на улицу. Что же оказалось? Чрезъ три четверти часа онъ былъ на новой квартирѣ. Сообразите также и то, что новая квартира находилась въ домѣ, гдѣ 6,000 жителей и 4 двора, съ немалымъ числомъ двориковъ и разныхъ переходовъ. Еще разъ считаю необходимымъ напомнить, что на новой квартирѣ Дружокъ былъ только одинъ разъ. Я увѣренъ, что каждый изъ васъ сразу не нашелъ бы своей новой квартиры въ такомъ городѣ, какъ Петербургъ, т. е. каждый изъ васъ спросилъ бы о дорогѣ встрѣчныхъ людей, еслибы мѣсто, гдѣ находится ваша квартира, было посѣщено

вами одинъ разъ. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что Дружокъ умнѣе людей, но слѣдуетъ только то, что онъ очень уменъ. Въ извѣстной степени каждая собака умна, но Дружокъ умнѣе очень многихъ собакъ. Не мало мнѣ вспоминается случаевъ изъ его жизни, доказывающихъ, что въ немъ есть и другія качества, не совсѣмъ хорошія. Напримѣръ, онъ чужихъ людей кусаетъ не съ разу, а тихонько: подойдетъ къ нему очень тихо, безъ лая, и хватитъ за ногу. Вообще на всякую хитрость онъ мастеръ, а хитрость не изъ добрыхъ качествъ. Если онъ сблудитъ что-нибудь, то прячется подъ стульями, столами, диванами, ибо хорошо понимаетъ, что его накажутъ. Но приласкайте его въ эту минуту и онъ немедленно выйдетъ изъ подъ дивана и начнетъ прыгать, лизать руки. Безъ сомнѣнія, его радуетъ мысль, что послѣ ласки не можетъ быть наказанія. Собаку, если хотите, чтобы она слушалась васъ, чтобы она постепенно дѣлалась лучшей во всѣхъ отношеніяхъ, должно воспитывать, какъ воспитываютъ человѣка. Вы хотите наказать собаку, но она прячется отъ васъ. Для того, чтобы вызвать ее, напримѣръ, изъ подъ дивана, вы начинаете ласкать ее. Собака вѣритъ вамъ, выходитъ изъ-

подъ дивана, но вы вдругъ наносите ей удары. Подобный обманъ, повѣрьте, портитъ природу собаки. На хитрость и обманъ она будетъ отвѣчать хитростью и обманомъ. Обманутая одинъ разъ, она никогда не повѣритъ вашей ласкѣ. Дружокъ необыкновенно привязанъ къ хозяйкѣ дома, которую онъ не оставляетъ ни на одинъ шагъ. Если она сидитъ, то онъ непремѣнно лежитъ около нея. Въ это время не подходи къ ней никто посторонній. Вы вѣдь знаете, что хорошіе знакомые протягиваютъ другъ другу руки. Дружокъ терпѣть не можетъ, когда чужіе протягиваютъ руку его хозяйкѣ: онъ непремѣнно хватитъ гостя за руку. Настолько, разумѣется, у Дружка нѣтъ ума, чтобы отличить простое пожатіе руки отъ удара. Одной очень нарядно одѣтой госпожѣ, которая подала руку его хозяйкѣ, онъ отлично разорвалъ платье. При этомъ случаѣ я замѣчу, что способность вообще всякой собаки привязываться къ извѣстнымъ людямъ, любить ихъ, безъ сомнѣнія, превышаетъ способность человѣка привязываться къ людямъ. Служить своему ближнему болѣе вѣрно и честно, чѣмъ служитъ человѣку собака, повѣрьте, очень трудно. Еслибы вы видѣли Дружка въ то время, когда ему разъ какъ-то

приходилось разстаться съ семействомъ, въ которомъ онъ жилъ, то вы убѣдились бы, что я говорю правду. Хозяйка Дружка переѣзжала изъ Лифляндіи на постоянное жительство въ Петербургъ. Послѣ долгихъ размышленій, она рѣшилась не брать его съ собой, ибо боялась, что ей дорогой придется много хлопотать съ нимъ. Сборы къ дорогѣ продолжались цѣлый мѣсяцъ, въ теченіе котораго закупоривали вещи, выносили ихъ изъ залы. Скажу вамъ также, для большаго объясненія дѣла, что за годъ до отъѣзда въ Петербургъ это семейство оставляло Лифляндію на-время—мѣсяца на два. Дружокъ тогда оставался дома. Разумѣется, и въ то время были сборы, хотя не такіе продолжительные и хлопотливые, какъ предъ упомянутой нами поѣздкой въ Петербургъ. Говорю о временномъ отъѣздѣ только для того, чтобы объяснить вамъ, какимъ образомъ Дружокъ понялъ, что его опять оставляютъ на долгое время. Чѣмъ болѣе хлопотали въ домѣ, тѣмъ онъ дѣлался печальнѣе и печальнѣе. Забьется бывало подъ диванъ и ничѣмъ не вызовешь его оттуда. Ѣлъ онъ очень плохо, съ видимой неохотой. Въ глазахъ его можно было читать, что ему очень не легко. Хозяйка, глубоко сожалѣя о немъ, удвоила къ

нему ласки, но напрасно: Дружокъ повертитъ хвостомъ и опять скроется подъ диванъ. Какъ вы думаете, что совершалось въ его головѣ? Представьте себѣ, что собака думаетъ, размышляетъ. Дружокъ, вѣроятно, размышлялъ такимъ образомъ: было время, когда такъ же хлопотали и выносили вещи. Когда кончили хлопотать, то всѣ уѣхали и оставили меня одного. Теперь тоже выносятъ вещи, хлопочутъ и, вѣроятно, точно также уѣдутъ надолго и оставятъ меня одного. Тогда я страшно скучалъ безъ хозяевъ, слѣдовательно, приведется скучать и теперь. Мы, конечно, не въ силахъ разгадать, какимъ образомъ Дружокъ думаетъ и размышляетъ, иначе сказать, не знаемъ, что дѣлается въ извѣстное время въ головѣ всякой собаки; но знаемъ только то, что Дружокъ видимо тосковалъ и тоска его была такъ велика, что когда наступило время отъѣзда и Вѣрочка и ея хозяйка начали одѣваться, то Дружокъ завылъ такимъ страшно жалобнымъ голосомъ, въ звукахъ его голоса выразилась такая сильная грусть, что Вѣрочка и ея мать не въ силахъ были удержаться отъ слезъ и рѣшили взять его съ собой. Впослѣдствіи Вѣрочка передавала мнѣ, что она никогда не забудетъ то-

го невыразимо грустнаго, тяжелаго голоса, которымъ завылъ Дружокъ въ послѣднія минуты отъѣзда. Теперь вы, дѣти, узнали уже нѣсколько качествъ, которыя составляютъ болѣе или менѣе принадлежность всякой собаки, а нашего Дружка въ особенности.

Дружокъ отлично понимаетъ языкъ окружающихъ его людей. „Дружокъ! хочешь молочка, хлѣба? Ступай гулять съ барыней, съ Вѣрочкой. Какой ты обжора, блудня! Дай лапку. Принеси башмакъ, чулокъ, сапогъ, палку“. Вотъ слова совершенно для него понятныя. Если скажутъ ему: „барыня или Вѣрочка ушли гулять“, то онъ со всѣхъ ногъ бросается въ переднею. Если скажутъ: ты блудня, обжора, то онъ немедленно поджимаетъ хвостъ и прячется подъ диванъ. Скажутъ ему: покажи, какъ ты виноватъ,— онъ сначала становится на лапки, потомъ ползетъ на животѣ къ ногамъ. Впрочемъ, всѣхъ словъ, понятныхъ для него, не переберешь. Сказать по правдѣ, такъ онъ понимаетъ все, что говорятъ ему. Недавно, напримѣръ, при мнѣ Вѣрочка велѣла принести ему галоши изъ передней — онъ сходилъ и принесъ. При мнѣ также Вѣрочка показала умъ Дружка слѣдующимъ образомъ: она велѣла кухаркѣ побрянчать

мѣдными деньгами. Какъ только Дружокъ услыхалъ это брянчанье, то со всѣхъ ногъ кинулся въ кухню. Вѣрочка объяснила мнѣ, что Дружокъ до страсти любитъ бѣгать съ кухаркой въ лавочку и булочную, которыя находятся очень недалеко отъ дома. Предъ уходомъ, кухарка получаетъ деньги на различныя покупки. Въ головѣ Дружка, слѣдовательно, совершенно вѣрно сложилась мысль, что вслѣдъ за брянчаньемъ денегъ немедленно послѣдуетъ уходъ кухарки въ лавку.

Собака, какъ и всякое животное, какъ и человѣкъ, способна сильно привыкать къ различной жизненной обстановкѣ. Кормите собаку бѣлымъ хлѣбомъ, вкуснымъ мяснымъ супомъ, разными сладкими и сдобными булочками, приготовляйте ей мягкую постель и вы увидите, что лишеніе этихъ удобствъ доставитъ ей большое несчастіе. Послѣ сладкаго, не захочешь горькаго. Дружокъ, напримѣръ, избалованъ до послѣдней степени: онъ нетолько не ѣстъ чернаго хлѣба, но отталкиваетъ отъ себя даже полубѣлый хлѣбъ, а ѣстъ одинъ бѣлый. Въ этомъ случаѣ Вѣрочка поступаетъ очень не хорошо: баловать не должно ни человѣка, ни животное. Человѣкъ не можетъ ручаться что всю жизнь

будетъ ѣсть бѣлый хлѣбъ: не ровенъ часъ приведется ѣсть и черный. Тогда, безъ сомнѣнія, будетъ не легко привыкать къ такой непріятной перемѣнѣ. Дружокъ также можетъ перейти съ бѣлаго хлѣба на черный. Не на что будетъ покупать бѣлаго хлѣба хозяевамъ, приведется и ему ѣсть черный хлѣбъ, вслѣдствіе чего поневолѣ начнетъ скучать и голодать, пока голодъ не заставитъ ѣсть то, что даютъ. Балованная собака доставляетъ не мало хлопотъ своимъ хозяевамъ. Такъ, Дружокъ, если ему не приготовятъ постели, ни за что не ляжетъ на голый полъ: начинаетъ выть, визжать; надоѣстъ до такой степени, что ему положатъ какую-нибудь мягкую подстилку. Изъ этого вы видите, какъ важно умѣть воспитывать собаку, т. е. не баловать ее, а вести ровно, пріучая къ извѣстному порядку. Кормите ее въ опредѣленное время, пріучайте спать на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ одинъ и тотъ же часъ. Собака не должна вертѣться около стола, если ея хозяева обѣдаютъ или пьютъ чай, ибо она, во первыхъ, надоѣдаетъ своими просьбами, которыя выражаются стояніемъ на лапкахъ и визгомъ; вовторыхъ она привыкаетъ хватать одни куски, отъ которыхъ не можетъ быть сыта, и чрезъ пол-

часа или часъ опять запроситъ ѣсть. Дружокъ былъ пріученъ спать въ спальной у Вѣрочки. Но мать Вѣрочки, которая спитъ необыкновенно чутко, приказала перевести его спать въ кухню, ибо онъ нерѣдко среди ночи бродитъ по спальной. Что же дѣлалъ Дружокъ въ продолженіе цѣлой недѣли? Онъ каждую ночь тихонько проходилъ въ спальную и ложился въ ногахъ Вѣрочки. Такимъ образомъ будилъ среди ночи и Вѣрочку и ея мать. Надо было, разумѣется, среди ночи, гнать Дружка въ кухню, гдѣ онъ начиналъ выть. Еслибы Дружка не баловали, а пріучили бы съ самаго начала спать въ кухнѣ, то не пришлось бы и хлопотать съ нимъ по ночамъ. Онъ долго не могъ привыкнуть спать въ кухнѣ и нерѣдко прибѣгалъ къ разнымъ хитростямъ, чтобы остаться на ночь въ спальной: напримѣръ, за нѣсколько времени до спанья спрячется куда-нибудь, съ тѣмъ, чтобы ночью перебраться на постель Вѣрочки.

Болѣе мнѣ нечего сказать о Дружкѣ: худъ ли онъ, хорошъ ли, но во всякомъ случаѣ, я представилъ его вамъ такимъ, каковъ онъ есть въ самомъ дѣлѣ, не скрывая его недостатковъ и не увеличивая его достоинствъ.

Вы можетъ быть когда-нибудь слышали, что

собаки подвергаются страшной болѣзни: бѣшенству и что укушеніе бѣшеной собаки почти всегда смертельно для человѣка, хотя бы такая собака укусила человѣка самымъ незначительнымъ образомъ. Дѣло не въ томъ, что большую или маленькую рану нанесетъ собака своимъ укушеніемъ, а въ томъ, что при всякомъ укушеніи ядъ, заключающійся въ ея слюнѣ, немедленно переходитъ въ кровь человѣка. Я не буду говорить съ вами подробно о признакахъ бѣшенства собакъ, ибо вы очень малы, чтобы понять все надлежащимъ образомъ, но скажу только: ни подъ какимъ видомъ не позволяйте собакѣ лизать руку, ибо нерѣдко случается, что собака, на видъ здоровая, уже заражена ядомъ, т. е. слюна ея ядовита и смертельна для человѣка. Этотъ ядъ немедленно сообщится вашей крови, если собака лизнетъ по такому мѣсту на вашей рукѣ, на которомъ находится хотя самая маленькая царапинка. Запомните также, что если ваша собака пробыла внѣ дома день или нѣсколько дней и потомъ возвратилась домой, то можно почти навѣрное сказать, что она уже заражена ядомъ бѣшенства, слѣдовательно, слюна ея смертельно заразительна. И такъ, повторю еще разъ, не давайте никогда собакѣ

лизать ваши руки. Въ противномъ случаѣ можете подвергнуться большому несчастію. Да, наконецъ, во всякомъ случаѣ, вы хорошо понимаете, что люди чистоплотные и потому не позволятъ собакѣ лизать своихъ рукъ, что считаютъ подобное лизанье величайшей нечистоплотностью. Домашнюю собаку необходимо отъ времени до времени мыть, иначе отъ нечистоты она можетъ захворать. Лѣтомъ всего лучше собаку купать, по-возможности чаще, въ рѣкѣ. Кромѣ мытья, необходимо ее прочесывать самымъ тщательнымъ образомъ. Повѣрьте мнѣ, что нечистая комнатная собака можетъ очень повредить людямъ, которые съ нею живутъ. Мы знаемъ одного маленькаго мальчика, у котораго отъ сыпи, бывшей у собаки, сдѣлались ранки на рукахъ. Мальчикъ прохворалъ нѣсколько недѣль. Послѣ я узналъ, что онъ цѣловалъ собаку такъ, какъ обыкновенно цѣлуютъ въ губы людей. Надо было удивляться тому, что у него не заболѣли губы.

М. Бѣловъ.

ДОМОВОЙ.

— У насъ во флигелѣ домовой, говорилъ Володя, таинственно, сестрѣ своей Сашѣ.

— Полно, Володя, все пугать ее, замѣтила Маша, она и такъ всего боится.

— Кто же велитъ ей бояться, сказалъ Володя, слушала бы поменьше сказокъ.

— Я совсѣмъ не боюсь, проговорила Саша.

— Не боишься, перебила ее Маша. Отъ чего же ты нынче не спала всю ночь, не дала спать мнѣ и чуть не плакала?

— Отъ чего Саша? Отъ чего? приставалъ къ ней Володя.

— Вотъ мы такъ не спали отъ домоваго, прибавилъ Миша.

— А Саша не спала отъ того, что въ боль-

шомъ креслѣ, которое папа велѣлъ принести намъ изъ кладовой, другую ночь, что-то стучитъ, сказала Маша.

— Это домовой, рѣшилъ Володя, скорчивъ испуганную гримасу. Вотъ и у насъ во флигелѣ поселился, домовой онъ каждую ночь стучитъ въ стѣну. Правду сказать, мы бы и не услыхали его, если бы нашъ Федоръ не счелъ нужнымъ объявить намъ, что у насъ не ладно, что поселился домовой; впрочемъ Федоръ увѣряетъ, что каждый домъ имѣетъ своего домоваго, но только если онъ любитъ хозяевъ, то не трогаетъ ихъ, а если не любитъ, то куралеситъ. Нашъ домовой знать не взлюбилъ насъ; каждую ночь стучитъ въ стѣну, выживаетъ насъ, какъ утверждаетъ Федоръ. Мы сказали объ этомъ Сергѣю Ивановичу и вотъ нынче ночью втроемъ караулили домоваго.

— И что же, видѣли? спросила Саша.

— Видѣть не видали, отвѣчалъ Володя, а слышали. Онъ стучитъ въ стѣну мѣрно, ровно: тикъ, такъ, тикъ, такъ, будто часовой маятникъ.

— Да полно болтать вздоръ, Володя, перебила его Маша. Откуда ты взялъ домоваго?

— Да вѣдь и у васъ въ креслѣ сидитъ домовой, смѣялся Володя.

— А нашего Сергѣй Ивановичъ обѣщался поймать и показать намъ, прибавилъ Миша.

— Надо и о вашемъ домовомъ сказать Сергѣю Ивановичу, замѣтилъ Володя. А теперь прощайте, мы собрались купаться и я только на минуту забѣжалъ сказать Сашѣ, чтобы она береглась домоваго, и мальчики убѣжали.

Нельзя сказать, чтобы Саша вѣрила всѣмъ разсказамъ Насти и няни, но любила ихъ слушать и они развили въ ней нѣкотораго рода трусливость; она многаго боялась, боялась остаться одна, особенно въ темной комнатѣ, и потому подвергалась частымъ шуткамъ и насмѣшкамъ брата.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора, когда семейство Дубровыхъ сидѣло за утреннимъ чаемъ, вбѣжали Володя и Миша; первый кричалъ:

— Домовой пойманъ! Домовой пойманъ!

Маша и Саша вскочили и подбѣжали къ брату.

— Гдѣ онъ? гдѣ онъ? спрашивала Саша.

— Вотъ у меня въ коробочкѣ, отвѣчалъ Миша.

— Покажите, покажите! приставала Саша.

— Смотри, не упусти, замѣтилъ Володя, а то бѣда—попадешься ему въ лапы.

— О, да это насѣкомое, сказала Саша, когда Миша открылъ коробочку.

— А ты и въ заправду вообразила, что я покажу тебѣ какое-нибудь мохнатое страшилище, говорилъ, смѣясь, Володя, а вышло что это просто на просто жучекъ.

— Однако, дѣти, садитесь пить чай, прервалъ ихъ отецъ: мать и такъ давно ждетъ васъ, а объ жукѣ наговоритесь послѣ.

Скоро пришелъ Илимовъ; дѣти торопливо допили чай и стали просить его разсказать имъ о пойманномъ жукѣ. Илимовъ вынулъ жука изъ коробочки: это было маленькое насѣкомое, двухъ съ половиною линій длиною, темнокоричневаго, матоваго цвѣта, цилиндрической формы; надъ его головою помѣщался закругленный грудной щитокъ съ пятью углубленіями; на углахъ задняго углубленія находилось желтое, волосистое пятно; элитры или надкрылья были покрыты бороздками изъ точекъ. Дѣти имѣли время хорошо разсмотрѣть его, потому что жукъ лежалъ на ладони Илимова неподвижно, точно мертвый.

— Да онъ мертвый, сказала Маша, трогая жука, который не шевелился.

— Онъ живъ, отвѣчалъ Илимовъ, но вы можете его трогать, переворачивать; мало того,

оторвать у него ножки, крылья, усики—онъ не пошевелится и съ стоическимъ геройствомъ будетъ переносить всевозможныя мученія, не подавая ни малѣйшаго признака жизни. При видѣ опасности, онъ всегда самымъ упорнымъ образомъ прикидывается мертвымъ, отчего и получилъ названіе *упорный*. Настоящее его имя *точильщикъ-часовщикъ*; его тоже называютъ *сверлильщикъ упрямый*. Жукъ этотъ живетъ, равно какъ и его личинка, въ сухомъ деревѣ, преимущественно лиственномъ, почему часто встрѣчается въ деревянныхъ постройкахъ: домахъ, амбарахъ, сараяхъ, заборахъ и проч., гдѣ онъ производитъ стукъ, особенно по ночамъ, въ родѣ ударовъ часоваго маятника. Стучитъ же онъ ударяя своими крѣпкими, твердыми, зубчатыми челюстями о дерево, давая такимъ образомъ знать о себѣ своимъ родичамъ или своей супругѣ, и призывая къ себѣ на помощь товарищей, если работа ему не по силамъ. Во всей почти Европѣ существуетъ повѣрье, что стукъ этотъ предвѣщаетъ смерть кому-либо изъ живущихъ въ домѣ и его называютъ часами смерти, l'horloge de la mort, Todtenuhr. У насъ въ Россіи подобнаго предразсудка не существуетъ, но за то стукъ этотъ принимается за стукъ домоваго,

выживающаго изъ дому, какъ это и объявилъ намъ нашъ Федоръ. Поймавъ жука, котораго мы подкарауливали нѣсколько дней, мы показали ему его, но кажется вовсе не убѣдили: онъ очень насмѣшливо посмотрѣлъ на насъ и на жука.

Жуки эти очень вредны. Поселившись въ деревянныхъ постройкахъ, они протачиваютъ балки, бревна и полы до такой степени, что зданіе становится негоднымъ и можетъ развалиться. Самочка жука кладетъ свои яички въ сухое дерево; изъ нихъ выходятъ личинки, которыя протачиваютъ дерево въ прямомъ направленіи, а по мѣрѣ возрастанія личинокъ, увеличиваются и ходы или тоннели, поэтому увеличивается и порча дерева. Достигнувъ полнаго развитія и сбросивъ съ себя нѣсколько разъ кожу, они превращаются въ куколку, въ самомъ широкомъ мѣстѣ своего тоннеля, и остаются въ немъ неподвижно безъ пищи, а чрезъ нѣкоторое время превращаются въ настоящее насѣкомое—жука, который своими крѣпкими зубчатыми челюстями прогрызаетъ тоннель, на противуположномъ концѣ, и является на свѣтъ Божій. Впрочемъ и совершенно развитое насѣкомое продолжаетъ жить внутри

дерева. Спенсъ говоритъ, что, посѣтивъ въ 1831 году Брюссель, онъ видѣлъ дома, въ которыхъ дубовыя балки, поддерживавшія полы верхнихъ этажей, до того были источены точильщиками, что приняли видъ пчелиныхъ сотовъ и грозили паденіемъ, такъ что, не смотря на громадныя издержки, ихъ должны были перемѣнить. Точильщикъ-часовщикъ не пренебрегаетъ и книгами: онъ просверливаетъ нѣсколько томовъ заразъ. Разсказываютъ, что въ одной публичной библіотекѣ, рѣдко посѣщаемой, 27 томовъ in-folio, лежавшихъ одинъ на другомъ, были просверлены этимъ жукомъ въ прямомъ направленіи: эти круглыя отверстія были такъ правильны, что можно было продѣть шнурокъ во всѣ 27 томовъ. Въ Кембриджской библіотекѣ такой же жукъ просверлилъ дыры въ арабскихъ рукописяхъ, привезенныхъ изъ Каира.

Въ вашемъ креслѣ, Саша, поселился *точильщикъ полосатый*, онъ тоже темнокоричневаго цвѣта, но меньше перваго, всего двухъ линій, его грудной щитокъ имѣетъ трехъугольное возвышеніе. Этотъ послѣдній жукъ болѣе всего любитъ жить въ мебели, въ картинныхъ рамахъ, даже въ картинахъ и гравюрахъ, хранящихся въ портфеляхъ, равно любитъ кушать и карти-

ны, писанныя масляными красками. Говорятъ, что грунтъ картины „Воскресеніе Лазаря“, писанной знаменитымъ Себастьяномъ дель-Піомбо и находящейся въ національной галлереѣ Лондона, до такой степени испорченъ точильщикомъ и его личинками, что едва-ли есть возможность возобновить ее и исправить. Кэрби говоритъ, что у него точильщики полосатые не только разрушили всѣ стулья и картинныя рамы, но проточили по всевозможнымъ направленіямъ досчатый полъ его комнаты и ежегодно вылетали во множествѣ изъ сдѣланныхъ въ немъ маленькихъ, круглыхъ отверстій. Удивительно какую питательность можетъ представлять дерево стула, которое въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ стояло въ теплыхъ комнатахъ, сушилось около печей и древесина котораго суха до такой степени, что изъ нея не выжать ни малѣйшей влажности. А между тѣмъ личинки точильщиковъ, питающіяся ими, до того жирны и полны соками, что какъ будто бы онѣ не знали другой пищи, кромѣ листьевъ и овощей.

Есть еще *точильщикъ хлѣбный* свѣтлокоричневаго цвѣта, покрытый сѣрыми волосками. Онъ величиною въ одну съ половиною линіи, живетъ

въ черствомъ хлѣбѣ, въ сухаряхъ, которые, благодаря своему обитателю, дѣлаются вредными и, употребленныя въ пищу, производятъ болѣзни. Онъ тоже селится въ пробкахъ, которыми закупорены бутылки съ сладкимъ бѣлымъ виномъ, и протачиваетъ ихъ до нельзя. Живетъ онъ и въ гербаріяхъ; но все это, какъ видите, пища довольно вкусная, а какое удовольствіе находитъ онъ, пожирая въ аптекахъ и москательныхъ лавкахъ шпанскую мушку и каэнскій перецъ— удивительно! Между тѣмъ, эти лекарства не мало страдаютъ онъ его прожорливости.

— Вотъ вы нашли своихъ домовыхъ, сказалъ, смѣясь, Александръ Васильевичъ, а я никакъ не могу справиться съ моимъ.

— Съ какимъ, папа? спросилъ Володя.

— Ты знаешь, что машинъ Арабчикъ боленъ, началъ Дубровъ. Семенъ увѣряетъ, что на немъ каждую ночь ѣздитъ домовой и что каждое утро онъ находитъ Арабчика въ стойлѣ взмыленнымъ и утомленнымъ, точно послѣ долгой и скорой ѣзды. И дѣйствительно, я нѣсколько дней наблюдалъ за нимъ и каждое утро находилъ его именно въ такомъ положеніи. Ходилъ ночью самъ въ конюшню и всегда, разумѣется, находилъ Арабчика на своемъ мѣстѣ, но на дняхъ

я остался въ конюшнѣ на ночь и слышалъ какъ онъ бился и лягался. Я взялъ фонарь и подошелъ къ нему: онъ утихъ и все время, что я стоялъ съ огнемъ около него, онъ оставался покойнымъ, но, лишь только я уходилъ, начиналась таже потѣха. Семенъ требуетъ, чтобы я завелъ козла, котораго, по его мнѣнію, страшно боятся домовые. Я пригласилъ ветеринара: онъ осмотрѣлъ Арабчика и объявилъ, что лошадь здорова. По моей просьбѣ, ветеринаръ остался на ночь и мы вмѣстѣ наблюдали за Арабчикомъ и опять слышали какъ онъ бился и лягался. Мы обмыли его, вычистили скребницами— не помогло; вымыли щелокомъ—не помогло; наконецъ перевели его въ другую конюшню: тутъ онъ ночи двѣ провелъ покойно; на третью же началось тоже самое. Семенъ смѣется надъ нами и увѣряетъ, что домовой такъ полюбилъ Арабчика, что перешелъ за нимъ въ другую конюшню. По мнѣнію Семена, безъ козла нѣтъ спасенія.

— Дѣйствительно, Александръ Васильевичъ, вы не обойдетесь безъ козла.

— Какъ такъ!

— Арабчика безпокоитъ муха или, лучше сказать, двукрылое насѣкомое, по имени *крово-*

соска лошадиная, отвѣчалъ Илимовъ. Она отличается отъ мухъ только тѣмъ, что ротъ ея не имѣетъ хоботка, но состоитъ изъ двухъ челюстныхъ щупалецъ или лопастныхъ влагалищъ, между которыми помѣщается роговой язычекъ, посредствомъ котораго насѣкомое высасываетъ пищу. Тѣло кровососки широкое, плоское, грудь блестящаго бураго цвѣта съ желтыми рисунками, брюшко сѣровато-бурое, ноги очень длинны, съ большими когтями, грязно-розовато-желтые, съ бурыми кольцами, усики короткіе, крылья длиннѣе брюшка, широки и на вершинѣ закруглены. Насѣкомое живетъ на лошадяхъ, прикрѣпляясь къ тѣмъ частямъ тѣла лошади, которыя наименѣе покрыты шерстью, въ особенности между задними ногами, подъ самымъ брюхомъ, гдѣ лошадь не можетъ слизать его. Кромѣ того, кровососка снабжена безчисленнымъ множествомъ прицѣпокъ, которыя даютъ ей возможность такъ крѣпко прикрѣпляться къ тѣлу лошади, что оторвать ее нѣтъ возможности, убить очень трудно, такъ какъ кожа ея до чрезвычайности тверда; поймать тоже не легко—она очень ловко ускользаетъ,—а если вамъ и удастся поймать ее, то она немедленно вырывается и снова нападаетъ на бѣдное животное. Посе-

лившись на животномъ, кровососка производитъ такое сильное щекотаніе, тѣмъ болѣе, что, подобно раку, можетъ ползать задомъ и бокомъ, что бѣдная лошадь, желая избавиться отъ нея, бьется, лягаетъ задними ногами до того, что вся взмыливается и изнемогаетъ. Вотъ этой-то болѣзнью и болѣнъ вашъ Арабчикъ.

— Но вѣдь папа осматривалъ Арабчика вмѣстѣ съ докторомъ и не видалъ на немъ никакой мухи, замѣтилъ Володя.

— Но ты вспомни, Володя, что у кровососки крылья, отвѣчалъ Илимовъ, по этому она успѣла улетѣть, а потомъ снова прилетѣла на прежнее мѣсто. Это же самое она сдѣлала, когда Александръ Васильевичъ стоялъ около лошади съ фонаремъ и когда, вмѣстѣ съ ветеринаромъ, мылъ ее и чистилъ.

— Но мы вычистили всѣ стойла, окурили всю конюшню, сказалъ Дубровъ, ничто не помогло.

— И не поможетъ, Александръ Васильевичъ, отвѣчалъ Илимовъ, потому что она въ это время вылетаетъ изъ конюшни, а если ее куренье и одурманитъ, то на самое короткое время и, очнувшись, она снова примется за свою работу. Самочка кровососки не кладетъ яичекъ, но они

развиваются въ личинки и куколку въ мѣшкѣ, который прикрѣпленъ къ ея брюшку, и эти то куколки она уже прикрѣпляетъ къ шерсти лошади.

Кровососка нападаетъ иногда и на коровъ, въ особенности, если эти послѣднія долго стоятъ въ хлѣвахъ. Корова, подвергшаяся нападенію насѣкомаго, очень быстро начинаетъ бѣгать, поднявъ хвостъ, и бѣгаетъ до изступленія.

— Все это очень хорошо, замѣтилъ Александръ Васильевичъ, да какъ же избавиться отъ нея?

— Исполнить желаніе Семена: завести козла, отвѣчалъ Илимовъ. Кровососка только и боится, что козла: запахъ козла для нея невыносимъ, она немедленно улетаетъ изъ конюшни или даже умираетъ. И такъ, вотъ тотъ ужасный домовой, который по ночамъ ѣздитъ на лошадяхъ и отъ котораго держатъ въ конюшняхъ козла.

Е. Бороздина.

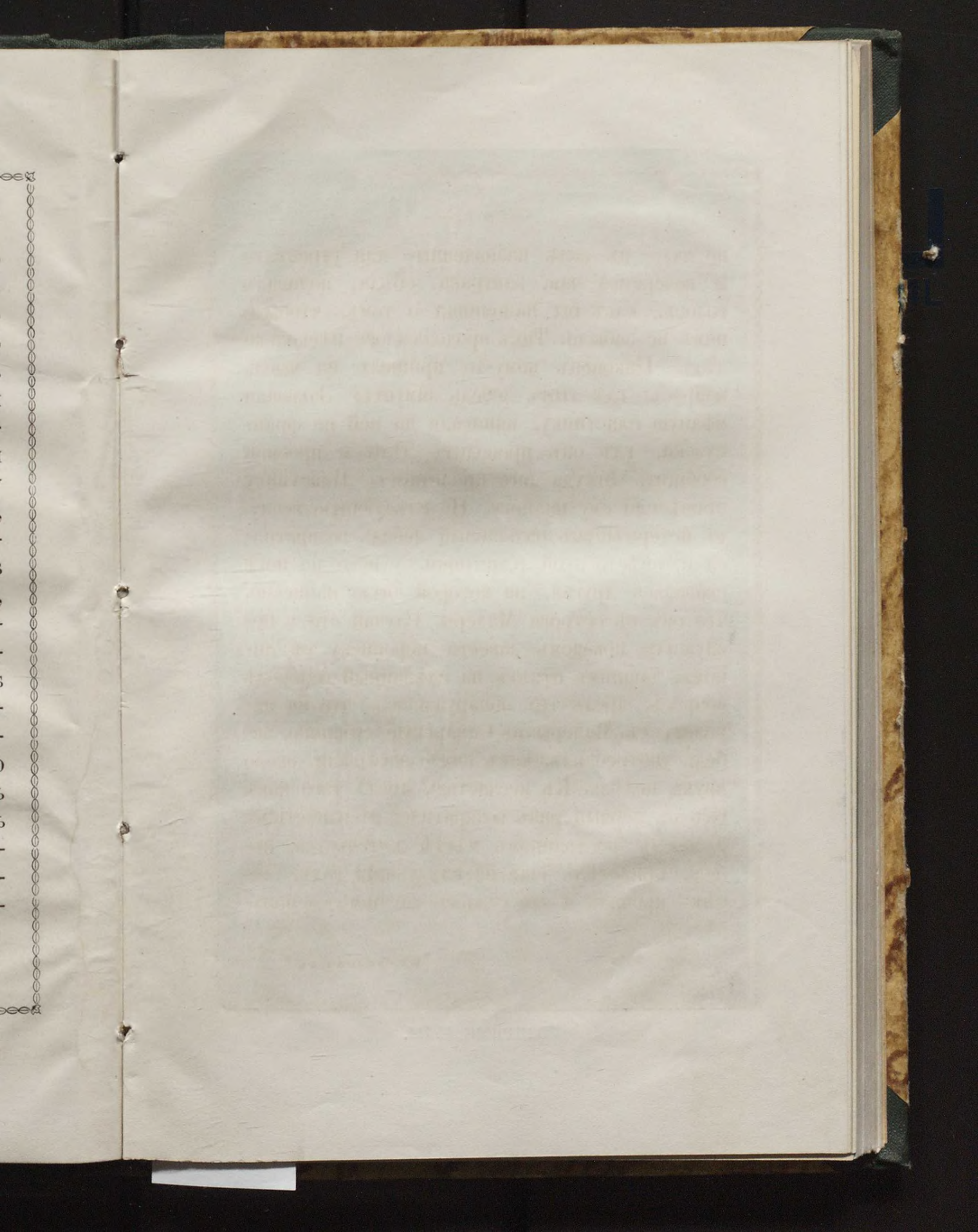

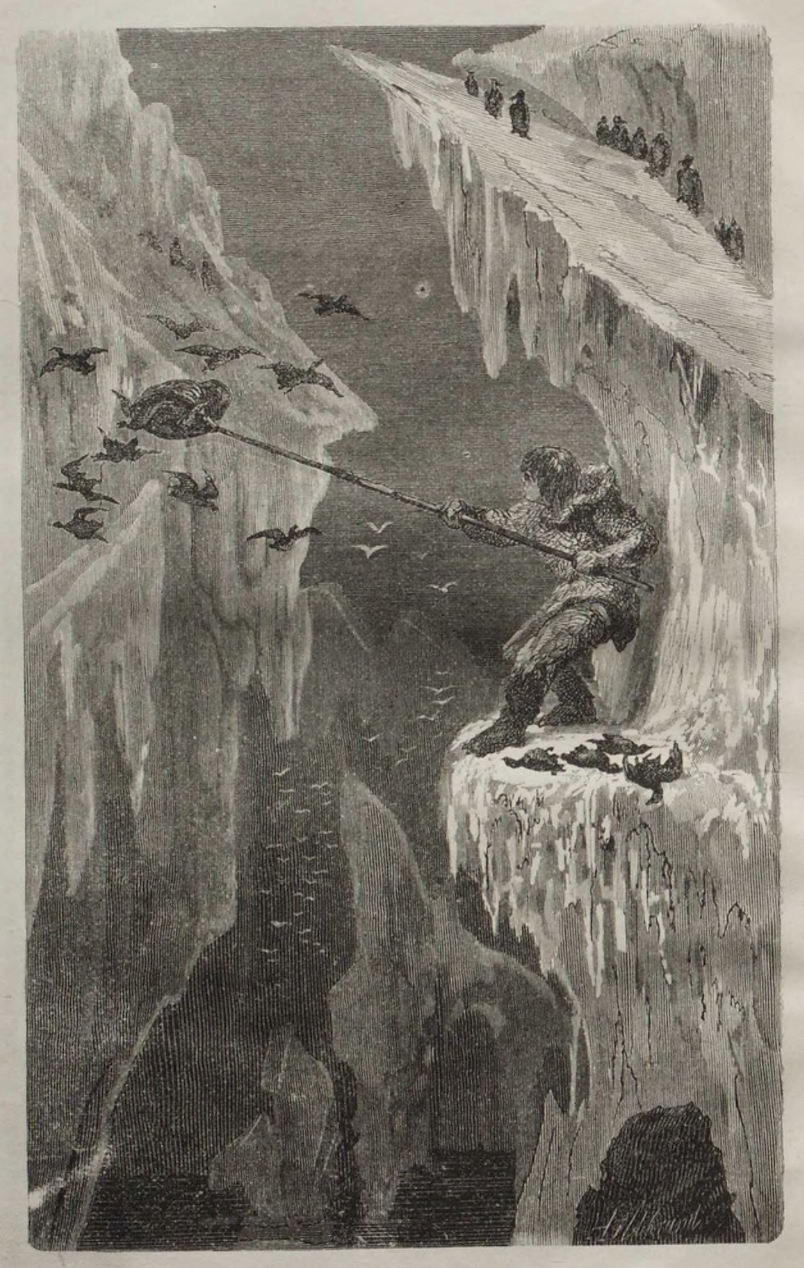
ЛЕБЕДЬ.

Самарской губерніи, Сенгилевскаго уѣзда, въ селѣ Архангельскомъ, на берегу Волги, находится прудъ, на который ежегодно прилетали весною нѣсколько лебедей. Дѣти помѣщика этого села скоро замѣтили, что одинъ изъ лебедей нисколько не пугается и не только не улетаетъ при ихъ приближеніи, но даже выходитъ къ нимъ на встрѣчу въ садъ. Они стали его прикармливать и онъ до того привыкъ къ нимъ, что не только принималъ пищу изъ рукъ,

но даже въ часы, назначенные для утренняго и вечерняго чая, завтрака, обѣда, подавалъ голосъ, какъ бы напоминая о томъ, чтобы о немъ не забыли. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ. Наконецъ кому-то пришелъ на мысль вопросъ: гдѣ этотъ лебедь зимуетъ? Заказали мѣдную пластинку, написали на ней по французски, гдѣ онъ проводитъ лѣто и просили сообщить откуда онъ прилетаетъ. Пластинку привѣсили ему на ногу. На слѣдующую весну, съ нетерпѣніемъ ожидаемый лебедь возвратился и, вмѣсто этой пластинки, у него на ногѣ оказалась другая, на которой было написано, что онъ съ острова Мадеры. Случай этотъ послужилъ поводомъ завести переписку съ лицомъ, давшимъ отвѣтъ на сдѣланный о лебедѣ вопросъ, чрезъ что обнаружилось, что на перелетъ съ Мадеры въ Самарскую губернію, лебедь употреблялъ, какъ намъ сказывали, около двухъ недѣль. Къ несчастью, послѣ того какъ онъ въ первый разъ возвратился съ извѣстіемъ о своемъ постоянномъ мѣстѣ жительства, лебедь прилетѣлъ еще на слѣдующій годъ, затѣмъ пропалъ и что сталось съ нимъ — неизвѣстно.

Вл. Толмачевъ.

ПОЛЯРНЫЕ ЛЬДЫ.

РУССКІЕ РОБИНЗОНЫ.

Не вездѣ такъ ярко свѣтитъ солнышко и такъ хорошо грѣетъ оно, какъ у насъ, начала свой разсказъ бабушка, когда дѣти просили ее разсказать имъ сказочку. Сказочекъ бабушка не знала и не любила, а всегда разсказывала то, что видѣла или слышала и что бывало на самомъ дѣлѣ.

Не вездѣ растутъ такіе цвѣты и такія деревья, какими вы любуетесь у себя. Есть страны, гдѣ, хотя солнышко и свѣтитъ, да не грѣетъ, а если и грѣетъ, то такъ мало, что все-таки тамъ почти ничего не растетъ. Страны эти называются полярными. Такова земля Самоѣдовъ и сѣверная часть нашей Сибири. Отъ Бѣлаго моря до Берингового пролива тя-

нется безконечная равнина, голая, какъ море и покрытая непрерывнымъ снѣжнымъ покровомъ. Тутъ уже нѣтъ лѣта и только въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда у насъ жары, тамъ бываетъ нѣсколько теплѣе, какъ у насъ въ мартѣ. Въ это время, болѣе теплые лучи солнца, отчасти, оттаиваютъ ледъ и образуютъ лужи, и земля мѣстами покрывается бѣдной растительностью—мохомъ и лишаями. Такія мѣста называются тундрами и разстилаются на нѣсколько сотъ миль, такъ что глазъ не видитъ ничего, кромѣ бѣлой пелены, роскошно разросшагося оленьяго лишая и блѣдно-зеленаго моха. Изрѣдка, тутъ встрѣчаются мѣстности, поросшія низкимъ кустами ивы, которые такъ малы, что по нимъ можно проѣхать, не замѣтивъ ихъ. Такова страна, по которой протекаетъ Печора; прибрежья этой рѣки такъ печальны, такъ пустынны, что самоѣды увѣряютъ будто бы страна эта создана вовсе не Богомъ.

— Какъ же должно быть дурно и скучно тамъ, бабушка, замѣтилъ Миша.

— Нѣтъ ни цвѣтовъ, ни травки, прибавила Наташа, все снѣгъ, да ледъ.

— Снѣгъ, да ледъ, повторила бабушка, однако же и эта однообразная природа не лишена своей

прелести. Мѣстами снѣгъ рдѣетъ розовымъ цвѣтомъ отъ вырастающаго на немъ крошечнаго растенія, которое до того мало, что кажется порошкомъ, покрывающимъ снѣгъ. Слѣдовательно и тутъ проявляется творческая сила природы и величіе Творца ея. На небѣ роскошно горятъ звѣзды и ярко блеститъ снѣгъ при сѣверномъ сіяніи. Вершины скалъ, какъ это бываетъ въ гористой Лапландіи, облиты какимъ-то мерцающимъ свѣтомъ. Кажется, будто свѣтъ этотъ выходитъ изъ самыхъ скалъ, какъ изъ огнедышащихъ горъ.

За этой землею, далѣе на сѣверъ, виденъ одинъ безбрежный Ледовитый океанъ, по которому въ зимнее время года носятся льдины всевозможныхъ формъ и величинъ. Здѣсь плыветъ огромная гора, самаго причудливаго вида, толщиною въ нѣсколько сотъ футовъ; тутъ цѣлая скала съ острыми краями, будто съ готическими башнями и колоннами, высится футовъ на 400 надъ уровнемъ моря; тамъ громадная, плоская ледяная равнина. Всѣ эти льдины сидятъ въ водѣ тоже на нѣсколько сотъ футовъ, онѣ безпрестано сталкиваются и разрушаютъ одна другую. Льдины эти представляютъ, говорятъ, восхитительное зрѣлище; особенно, ког-

да море нѣсколько взволновано. горы эти раскачиваются и принимаетъ различные оттѣнки отъ чисто бѣлаго до синяго, ультрамариноваго. Тутъ то почти на рубежѣ Атлантическаго океана и Ледовитаго моря, далеко на сѣверѣ, лежитъ группа льдистыхъ острововъ. Одинъ изъ нихъ называется Шпицбергенъ. Названіе это дано ему, благодаря его островершиннымъ горамъ. Берега Шпицбергена закрыты со всѣхъ сторонъ ледниками, которые спускаются въ море. Ледники эти, говорятъ путешественники, необыкновенно красивы. Они всегда пусты внутри и образуютъ различнаго вида пещеры и гроты и лѣтомъ изъ нихъ бьютъ каскады, которые образуются внутри вслѣдствіе таянія. Лучи полярнаго солнца играютъ въ брызгахъ каскадовъ и придаютъ скаламъ какой-то фантастическій, волшебный видъ, который трудно описать. Ледники медленно и безпрерывно движутся и когда ледъ теряетъ подпору, то отчасти обрушивается и отдѣлившіеся громадные куски скатываются въ море. Они погружаются въ воду, но весьма скоро подымаются надъ нею и раскачиваются, пока, наконецъ, не придутъ въ равновѣсіе. Эти-то обломки часто составляютъ ледяныя горы, носящіяся по океану.

Общій видъ Шпицбергена довольно живописенъ. Берега его неровны, скалисты и мѣстами покрыты черными, остроконечными горами, на которыхъ въ лѣтнее время года выростаетъ довольно хорошая растительность, хотя она, по большей части, состоитъ изъ ярко-зеленнаго моха. Посреди валуновъ выростаетъ очень хорошенькій цвѣтокъ, желтый макъ, другія же растенія весьма мелки. Вся эта растительность также быстро появляется, какъ и исчезаетъ, какъ бы торопясь цвѣсти и созрѣть до наступленія зимы, которая не заставляетъ себя ждать. Въ это время солнце не сходитъ съ горизонта въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, такъ что ночей вовсе не бываетъ, слѣдовательно, земля не имѣетъ времени охлаждаться и облекается въ сочную зелень. Краски цвѣтовъ дѣлаются яркими, подобно отблеску чудеснаго полуночнаго солнца и сѣвернаго сіянія. Мертвая страна оживляется, на время, стадами птицъ: дикихъ гусей, утокъ, чаекъ, поморниковъ, буревѣстниковъ и гагъ, которыя размѣщаются по уступамъ утесовъ, вьютъ на нихъ свои гнѣзда и преспокойно высиживаютъ яйца. Ихъ такъ много, что скалы буквально покрыты пернатыми и охотникъ не знаетъ куда ему стрѣлять. Въ то вре-

мя какъ самки сидятъ на яицахъ, самцы ихъ летаютъ надъ этими самыми скалами въ такомъ множествѣ, что образуютъ цѣлыя облака. Шумъ ихъ крыльевъ, голоса тысячъ птицъ, различныхъ по цвѣту и величинѣ, летающихъ и кричащихъ различно, способны оглушить и производятъ самое необычайное впечатлѣніе. Птицы эти отъ времени до времени ныряютъ въ морѣ, отыскивая свою пищу, которая состоитъ изъ морскихъ ракообразныхъ; ими они кормятся сами и кормятъ сидящихъ на яицахъ самокъ своихъ. Птицы же, питающіяся растеніями, встрѣчаются на Шпицбергенѣ очень рѣдко; ихъ только три вида, именно: бѣлая куропатка, снѣжная овсянка и гуси—суть единственныя птицы, питающіяся растеніями. За то на Шпицбергенѣ есть сѣверные олени, которые лѣтомъ питаются травою, а зимою отрываютъ изъ подъ снѣга мохъ и лишаи. Есть песцы, которые роютъ себѣ глубокіе ходы съ выходами и норы свои выстилаютъ мохомъ. Лѣтомъ въ пищѣ имъ нѣтъ недостатка, такъ какъ они питаются птицами и ихъ яицами. На льдинахъ, окружающихъ острововъ, живутъ бѣлые медвѣди; любимымъ ихъ мѣстопребываніемъ служатъ ледяные горы, гдѣ также много тюленей и моржей.

Въ половинѣ октября начинается зима безъ всякаго перехода, т. е. здѣсь нѣтъ ни осени, ни весны. Вся жизнь прекращается: птицы улетаютъ, звѣри уходятъ, дни становятся все короче и короче. Въ началѣ ноября солнце появляется на часъ или на два, а въ декабрѣ уже вовсе не показывается на горизонтѣ. Вездѣ господствуетъ могильная тишина; видны лишь звѣзды и луна на небѣ; снѣгъ и ледъ на землѣ. На небѣ нѣтъ облаковъ, воздухъ чистъ, спокоенъ; въ это время пустынность полярной страны подавляетъ. Зима продолжается почти 9 мѣсяцевъ, и въ это время арктическая природа является на всемъ своемъ величіи. Когда солнце спустится въ море для того, чтобы появиться только чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, заря существуетъ еще нѣкоторое время; наконецъ потухаетъ и она, но все таки земля не погружается въ совершенный мракъ. Луна обливаетъ яркимъ, серебрянымъ свѣтомъ всю снѣжную страну, такъ что можно различать очертаніе утесовъ на нѣсколько миль разстоянія, а магическое сѣверное сіяніе придаетъ странѣ какой-то волшебный видъ. Сѣверное сіяніе является иногда въ видѣ разсѣянныхъ, мерцающихъ пятенъ; иногда въ видѣ трепещущихъ

ярко-бѣлыхъ лучей, пробѣгающихъ по всему небу; иногда пучки свѣтлыхъ лучей раскидываются по небу въ видѣ вѣера, потомъ блѣднѣютъ и потухаютъ. Но всего великолѣпнѣе зрѣлище сѣвернаго сіянія тогда, когда вѣеръ лучей поднимается къ зениту и лучи, собравшись въ немъ, образуютъ вѣнецъ, который, въ свою очередь, разбрасываетъ лучи во всѣ стороны. Тогда все небо кажется огненнымъ куполомъ, въ которомъ переливаются синіе, зеленые, красные, желтые и бѣлые цвѣта лучей. Чрезъ нѣкоторое время вѣнецъ мало по малу перестаетъ раскидывать свои лучи, свѣтъ его становится все слабѣе и слабѣе и наконецъ потухаетъ. Сѣверное сіяніе умираетъ и снова наступаетъ полярная ночь съ своими яркими звѣздами, которыхъ не было видно при полярномъ сіяніи. Передъ этимъ явленіемъ преклоняется человѣкъ, но ученый старается сорвать таинственную завѣсу его. Наконецъ, ночи начинаютъ уменьшаться, появляется заря, предвѣстница солнца, появляется и солнце, сначала на самое короткое время, потомъ остается на горизонтѣ продолжительнѣе и, наконецъ, не сходитъ съ него въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль. Это лѣто, о которомъ я уже говорила вамъ.

— Но бабушка, прервала ее Наташа, уже вѣрно въ такую холодную страну никто не ѣздитъ?

— Ошибаешься, дитя мое, отвѣчала бабушка, много людей бывало на Шпицбергенѣ, много и гибло ихъ тамъ.

— Зачѣмъ же они туда ѣздятъ, бабушка, спросилъ Миша.

— Одни ради науки, другіе ради промысла, отвѣчала бабушка.

— Какіе же промыслы на льду и снѣгу? снова спросилъ Миша.

Ловля китовъ, моржей, тюленей, песцовъ, оленей, которые водятся на льдинахъ и снѣгахъ Шпицбергена, какъ я уже и говорила вамъ, отвѣчала бабушка. Вотъ объ этихъ-то промышленникахъ я хочу разсказать вамъ.

Нѣкто Окладковъ, житель Мезени, Архангельской губерніи, въ первой половинѣ XVIII вѣка, снарядилъ экспедицію на Шпицбергенъ для ловли моржей. На отправившемся суднѣ было 14 человѣкъ промышленниковъ. Они вышли изъ Архангельска при попутномъ вѣтрѣ, который сопровождалъ ихъ 8 дней; но на девятый поднялась буря и прижала ихъ къ восточнымъ берегамъ Шпицбергена. Берега эти всѣми кито-

ловами считаются самыми опасными, по причинѣ постоянно окружающихъ ихъ льдовъ. Судно остановилось въ виду береговъ. Отважные мезенцы увидали, что громадные массы льдовъ совершенно затерли ихъ судно и что для нихъ нѣтъ никакого спасенія. Что дѣлать? Оставалось искать спасенія на берегу. Одинъ изъ промышленниковъ, по имени Алексѣй Химковъ, вспомнилъ, что на восточномъ берегу острова должны быть становыя избы, построенныя когда то ихъ же земляками, мезенцами, готовившимися пробыть на Шпицбергенѣ зиму съ тѣмъ, чтобы съ весны заняться промысломъ. Онъ сообщилъ объ этомъ своимъ товарищамъ и предложилъ сойти на берегъ поискать этихъ избъ. Товарищи приняли его предложеніе, кое какъ провели судно свое къ одной огромной льдинѣ, которая соединялась съ берегомъ, и четыре промышленника, въ томъ числѣ и Химковъ, сошли на нее, а по ней перешли на берегъ; остальные же остались на суднѣ ожидать ихъ возвращенія. Эти четыре смѣльчака взяли съ съ собою 12 зарядовъ пороха, столько же пуль, мѣшокъ муки и курительнаго табаку. Въ двухъ верстахъ отъ берега они нашли избу, переночевали въ ней и на другое утро съ развѣтомъ отправились обрат-

но къ берегу, гдѣ оставили товарищей, чтобы извѣстить ихъ о своей находкѣ. Но каково же было ихъ удивленіе, ужасъ и отчаяніе, когда, возвратившись, они не нашли ни товарищей, ни своего судна. Ни тѣхъ, ни другаго не было и слѣда. Вѣроятно, судно, затертое льдами, было унесено въ море.

И такъ, четыре несчастныхъ промышленника остались на берегу необитаемаго острова, безъ провіанта и безъ надежды на возможность возвратиться. Что дѣлать? Русскій человѣкъ не унывать и не приходитъ въ отчаяніе отъ несчастія. Возложивъ надежду на Бога, они вернулись въ избу, устроились въ ней какъ могли и рѣшились провести въ ней зиму. Конечно, устроиваясь такимъ образомъ, никому изъ нихъ не пришло въ голову, что они должны будутъ пробыть здѣсь цѣлыхъ 6 лѣтъ. Не мало перенесли они страданій отъ холода, голода, такъ что одинъ изъ нихъ умеръ. Въ концѣ шестаго года, въ 1749 году, наши Робинзоны увидали на горизонтѣ судно — это тоже были русскіе промышленники. Несчастные отшельники опрометью бросились къ берегу, взобрались на одинъ изъ утесовъ острова, стали махать оленьими

шкурами и развели огонь. Наконецъ они были замѣчены съ судна.

Теперь, дѣти, сами можете судить о радости несчастныхъ, когда судно пристало къ берегу и они могли обнять своихъ земляковъ—словами этого не передашь. Черезъ мѣсяцъ наши мезенцы возвратились на родину и были уже въ Архангельскѣ, гдѣ ихъ считали погибшими.

— Послѣ такого приключенія, бабушка, вѣрно уже не нашлось охотниковъ путешествовать на Шпицбергенъ? спросилъ Миша.

—Русскій промышленникъ не боится опасностей, отвѣчала бабушка, а архангелогородцы никогда не прочь испытать счастія въ полярномъ морѣ. Ни льды, ни снѣга не пугаютъ ихъ и потому не мало было и другихъ экспедицій на Шпицбергенъ. Между прочимъ, архангельскій купецъ Кузнецовъ снарядилъ экспедицію. Онъ въ 1851 года началъ грузить свою ладью, которая должна была зимовать на островѣ. Экипажъ состоялъ изъ 18-ти человѣкъ крестьянъ Мезенскаго и Кемскаго уѣздовъ. Они вышли изъ Архангельска и 7 іюня, т. е. черезъ семь дней, благополучно прибыли къ восточными берегамъ Шпицбергена. Кормчій, бывшій уже на островѣ, совѣтывалъ пройти къ южнымъ его бере-

гамъ. Судно отошло отъ берега, но на море спустился страшный туманъ, тронулись льды, такъ что судно проходило безъ пользы 11 дней и съ трудомъ уже могло пристать въ незнакомой бухтѣ, которая находилась въ самой суровой части острова, и тутъ то наши промышленники должны были остаться на зимовку.

Они выгрузили ладью, втащили ее на берегъ, поставили становую избу, а сами отправились отыскивать старыхъ, развалившихся избъ, оставленныхъ прежними промышленниками. Они нашли пять на разстоянiи ста верстъ, и одной изъ нихъ, судя по надписи, было 80 лѣтъ. Промышленники размѣстились въ этихъ избушкахъ, по два, по три и по четыре человѣка; приготовили капканы для ловли песцовъ и винтовки для оленей, и согласились съ наступленiемъ зимы, когда настанетъ продолжительная ночь, собраться всѣмъ въ становой избѣ. Они выжили счастливо 17 недѣль, наловили множество звѣрей и, когда солнце перестало показываться на горизонтѣ, всѣ 18 человѣкъ собрались въ становую избу. Начались страшные морозы, мятели; нѣкоторые изъ промышленниковъ занемогли цынготною болѣзнью, такъ что къ 20-му декабря, изъ 18-ти здоровыхъ людей, осталось всего 6.

Больнымъ ничто не помогало и необходимо было добыть для нихъ свѣжаго мяса: когда, наконецъ, на горизонтѣ показалась заря, трое, самыхъ отважныхъ промышленниковъ, пошли въ горы отыскивать оленей. Они проходили цѣлыхъ три недѣли и, возвратившись, нашли всего одного здороваго товарища, едва успѣвавшаго варить для больныхъ пищу. Настала дурная погода, больнымъ становилось все хуже; стоны ихъ раздавались на всю избу и наконецъ они стали умирать. Первый умеръ кормчій, за нимъ 11 человѣкъ, такъ что изъ 18-ти промышленниковъ осталось всего 6 и изъ этихъ послѣднихъ всего трое здоровыхъ.

Взошло наконецъ и солнце, но вокругъ острова, на большое пространство, лежалъ такой толстый слой льда, что не было возможности спустить ладьи. Между тѣмъ, солнце уже не сходило съ горизонта, а наши промышленники не видали никакой возможности покинуть островъ, потому что, хотя снѣгъ и таялъ, но ледъ, окружавшій берегъ, не отходилъ. Надо было прорубить ледъ на огромное пространство для того, чтобы разчистить дорогу для ладьи, а что могли сдѣлать три человѣка? Гибель казалась неизбѣжной. Всѣ шестеро ожидили участи своихъ товарищей.

Норвежцы имѣютъ обыкновеніе ежегодно промышлять моржами на льдинахъ, окружающихъ Шпицбергенъ: промысломъ этимъ они занимаются всегда въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ. Въ 1852 году они приплыли къ Шпицбергену для ловли моржей и наконецъ, замѣтивъ нашихъ промышленниковъ, неожиданно явились къ нимъ. Можно вообразить съ какою радостію русскіе приняли норвежцевъ; они знаками объяснили имъ свое положеніе и норвежцы, знаками же, обѣщали помочь имъ. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней пришло къ нимъ 10 норвежцевъ, которые, вмѣстѣ съ тремя здоровыми русскими, принялись за работу. Они пробили ледъ на 300 футовъ въ длину, стащили съ берега ладью, спустили ее въ прорубленную полынью и вывели въ море; но вся добыча русскихъ промышленниковъ осталась по избушкамъ и по берегамъ, откуда ее невозможно было собрать. Чрезъ 11 дней, наши русскіе, вмѣстѣ съ норвежцами, прибыли въ Гаммерфестъ, въ Норвегіи, откуда переправились уже домой, въ Архангельскъ.

— Какая же сказочка можетъ замѣнить описаніе чудесъ природы и дѣйствительныхъ приключеній изъ жизни людей? закончила бабушка свой разсказъ.

Е. Бороздиной.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

